

Ученые записки

**ВОПРОСЫ КРИТИКИ
БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИКИ
И
ИДЕОЛОГИИ**

II

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки

Кафедра научного коммунизма

Ученые записки

Латвийского государственного университета
имени Петра Стучки

том 223

В О П Р О С Ы К Р И Т И К И
Б У Р Ж У А З Н О Й П О Л И Т И К И И И Д Е О Л О Г И И

Вып. 2

Латвийский государственный университет
Рига 1975

PT-75
223

Первый выпуск сборника "Вопросы критики буржуазной политики и идеологии" вышел в свет в начале 1974 года /Учен. зап. ЛГУ им. Петра Стучки, т. 200/. Теперь вниманию читателей предлагается второй выпуск, в котором анализируются некоторые аспекты идеологии и тактики современного антикоммунизма. Основное внимание уделено критике приемов и методов фальсификации принципа демократического централизма, значения политики марксистско-ленинской партии в социалистическом обществе, успехов в развитии промышленности Советской Латвии. Одновременно дается критика национализма и ревизионизма, показано их использование в целях буржуазной пропаганды.

Второй выпуск сборника "Вопросы критики буржуазной политики и идеологии" рассчитан на читателей, интересующихся актуальными проблемами современной идеологической борьбы.

© Латвийский государственный университет, 1975

В I0506-073y 278-74
М 812(II)-75

LVU ZINĀTĪBNĪCĪBA
BIB
1256-20-75

5,7

200024431

МИРОНОВА З.Н.

КРИТИКА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ БУРЖУАЗНОЙ
ФАЛЬСИФИКАЦИИ ПРИНЦИПА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ЦЕН-
ТРАЛИЗМА В ПАРТИЙНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Основопологающим руководящим принципом организационного строения и деятельности коммунистической партии является принцип демократического централизма, базирующийся на основе диалектического сочетания централизма и внутрипартийной демократии. Принцип демократического централизма включает в себя следующие элементы централизма: наличие централизованного руководства в лице верховного органа партии — съезда, и руководящих партийных органов, решения которых обязательны для низших партийных органов, соблюдение коммунистами закрепленных в Уставе принципов и норм партийной жизни, единой партийной дисциплины, необходимость подчинения меньшинства большинству, в то же время демократический централизм органически соединяет в себе и демократические принципы: выборность, гласность, сменяемость руководящих партийных органов, их периодическую подотчетность перед своими партийными организациями, творческую инициативу и активность коммунистов.

Принцип демократического централизма выступает в качестве универсального, наиболее общего принципа, из которого закономерно вытекают все нормы внутрипартийной жизни, сформулированные и зафиксированные в Уставе нашей партии. Важно подчеркнуть, что понятие и значение демократического централизма не ограничивается только вопросами организационного строительства и формами деятельности партии. Ленин четко обосновал необходимость тесного единства программных, тактических и организационных принципов как

непременного условия успешной деятельности пролетарской партии. Принцип демократического централизма воплощает единство идейно-политических, тактических принципов пролетарской партии и закрепляет это единство в общих организационных принципах построения и деятельности партии. Именно широкий диапазон важнейших проблем и вопросов партийной жизни, которые охватывает демократический централизм, обуславливает непреходящее значение этого принципа для деятельности коммунистической партии.

Являясь универсальным, коренным принципом строения и деятельности партий, демократический централизм находится в фокусе антикоммунистических нападков наших идеологических противников, стремящихся подорвать боеспособность и единство коммунистической партии путем извращения принципов ее организации.

В современных советологических изысканиях в области организационных принципов коммунистических партий отчетливо наметилась тенденция к модернизации приемов и методов исследования принципа демократического централизма. Лишь советологи реакционно-консервативного направления по-прежнему огульно отрицают принцип демократического централизма, не обременяя себя поисками научных доказательств своей концепции. Однако ряд советологов, заинтересованных в поднятии научного престижа советологии, в угоду исторической правде готовы признать сам по себе принцип демократического централизма в качестве альтернативы организационных принципов буржуазных партий. Так, американский советолог из университета Миссури Л. Саргент отмечает значение демократического централизма как метода революционной организации, имеющего важнейшие черты. (33, р. 48). Английский советолог из Эссекского университета Ж. Блэндел даже допускает возможность применения отдельных сторон этого принципа в строительстве и деятельности партий. (14, р. 91).

Эти вынужденные признания буржуазных ученых свидетельствуют лишь о более тонкой фальсификации организационных принципов коммунистических партий, к которой прибегает современная советология. При этом акцент буржуазных атак все более перемещается в область методологии принципа демократического централизма. Данная тенденция выражается в том, что манипулируя понятием демократического централизма, советологи стремятся извратить его сущность, и в особенности доказать несостоятельность принципа демократического централизма для функционирования коммунистических партий на современном этапе.

Учитывая важность научного понимания принципа демократического централизма, советские ученые внесли огромный вклад в разработку положительного материала по данной проблеме. Многочисленные монографии и статьи советских авторов разносторонне освещают историю возникновения демократического централизма, его воплощение в организационном строении и деятельности нашей партии на различных этапах исторического развития и особенности его действия на современном этапе.¹ В советской литературе уделяется также значительное внимание критике буржуазных и ревизионис-

¹ См. Бахшиев Д. Ю. Марксистско-ленинские основы строительства и деятельности КПСС. М., 1968. Ленинское учение о партии. М., Мысль, 1969. Пронин И., Степичев М. Ленинские чормы партийной жизни. М., 1969. Ленинские организационные принципы и вопросы партийного строительства на современном этапе. М., 1971. Лавричев В. М. Демократический централизм - диалектический принцип организационного строения КПСС. М., 1971; Жизненная сила ленинских принципов партийного строительства. М., 1970; Организационно-партийная работа. Вып. I, М., 1969; Проблемы партийного строительства, М., 1972; Демократический централизм в строительстве и деятельности коммунистической партии. М., 1973; Интернациональное значение ленинских принципов партийного строительства. М., 1973.

тских наскоков на принцип демократического централизма.¹ В этих работах выявляются и подвергаются критике некоторые методологические приемы наших идеологических противников, ставящих организационные основы марксистско-ленинских партий. Среди работ по данной тематике особо следует отметить статью В. Лавричева, которая специально посвящена критике методологических посылок ревизии организационных принципов коммунистических партий.² Можно согласиться с мыслью автора, что актуальность данной проблемы в свете направлений и тенденций современной советологии требует ее всестороннего освещения в советской литературе. Важность этого вопроса обуславливается и тем, что ложная трактовка методологии принципа демократического централизма служит теоретической базой буржуазных и ревизионистских искажений всех норм внутрипартийной жизни, вытекающих из данного принципа. Настоящая статья является попыткой обобщить и акцентировать внимание на некоторых, наиболее характерных методологических приемах буржуазной фальсификации принципа демократического централизма. В качестве материала для данной статьи были использованы "труды" советологов как реакционно-консервативного направления, так и представителей модернистских течений в советологии, претендующих на наукобразность и объективность исследования проблем истории нашей партии. В статье главным образом дается критический анализ "работ" буржуазных авторов, вышедших в печать за последние четыре года (32, 21, 23, 13, 30, 29).

1 См. Гумеров Ф.Х. Вымыслы и действительность. М., 1967. Научный коммунизм и фальсификация его ренегатами. М., 1972; Молдобашко В.А. Против буржуазной фальсификации роли КПСС в коммунистическом строительстве. М., 1972; Верховцев И.П., Малов Ю.К. Организационные основы КПСС и их критики. М., 1974; Малов Ю.К. Ленинский принцип демократического централизма и его "критики". "Вопросы истории КПСС", 1971, №6;

2 См. Лавричев В.М. К критике методологических посылок ревизии организационных принципов коммунистических партий. "Проблемы партийного строительства". М., 1972.

В основе буржуазных спекуляций вокруг принципа демократического централизма лежит отрицание советологами его объективного, закономерного характера. Для этой цели советологи применяют разнообразные по форме, но единые в своей фальсификаторской сущности приемы. Так, чтобы придать своим "трудам" вид научных исследований, многие советологи делают экскурсы в историю, препарируя на свой лад организационные принципы марксизма-ленинизма. Буржуазные ученые сознательно искажают учение Маркса и Ленина, изображая Маркса как поборника демократии, а Ленина как защитника крайней централизации и бюрократизации. Приверженность советологов к этому истасканному приему буржуазной науки просто удивительна. Так, некоторые советологи в недавно опубликованных "трудах" опять вытаскивают на свет различные псевдонаучные теории с явным противоречием между марксизмом и ленинизмом (32, р.619-21, р.112-113).

В своих работах советские ученые уже неоднократно подчеркивали абсурдность и научную несостоятельность избыточного приема буржуазной советологии - отрицания преимущественности марксизма и ленинизма, разрыв двуединого ленинского учения в результате противопоставления Маркса Ленину. В советской историко-партийной литературе научно обосновывается огромный вклад, который внесли Маркс и Энгельс в теоретическую и практическую разработку принципов демократии и централизма в строительстве и деятельности пролетарской партии и раскрывается творческое развитие Лениным организационных принципов марксизма.¹

Советологи особенно стараются исказить ленинские принципы организации пролетарской партии. Так, буржуазные советологи реакционно-консервативного направления

¹ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Об основных принципах партийного строительства. М., 1972; Салов В.И. Современная Западногерманская буржуазная историография. Некоторые проблемы новейшей истории. М., 1968; Кандель Е.М. Маркс и Энгельс о партии и современная буржуазная и ревизионистская историография. "Вопросы истории КПСС", 1967, № 7; Ленинское учение о партии. М., 1969.

обосновывают организационные принципы большевизма сугубо прагматическими, утилитарными соображениями: стремлением большевиков захватить и удержать политическую власть. При этом многие советологи этого направления еще более суживают проблему до ее открыто субъективистского толкования, "объясняя" организацию большевистской партии надуманными и якобы присущими Ленину чертами: догматизмом, подозрительностью, нетерпимостью к инакомыслящим.

Такой далеко не оригинальной точки зрения единодушно придерживаются известные американские советологи: профессор Колумбийского университета З. Бжезинский, сотрудник Гуверовского института войны, мира и революции Б. Вольф, группа американских советологов из университета Майами (15, р. 127. 16, р. 137. 21, р. 113, 116). Неудивительно, что на современном этапе такого рода субъективистско-волюнтаристская точка зрения получает все меньшую поддержку даже среди советологов. Наиболее дальновидные буржуазные авторы констатируют неприменимость субъективистского метода для анализа явлений советской действительности, признавая тем самым ту неблагоприятную роль, которую играет субъективизм для престижа советоведческой "науки" (25, р. 3). Дело в том, что откровенно псевдонаучная аргументация, лежащая в основе субъективистского метода, уже не удовлетворяет требованиям современной советологии.

Поэтому некоторые авторы все еще не потеряли надежду поразить читателя "научными" открытиями в области ленинизма. К примеру, американский советолог из Иллинойского университета П. Роули воздерживается от огульного обвинения Ленина в волюнтаризме и властолюбии. Характерной чертой ленинизма Роули считает сложное взаимодействие между "противоречивыми" качествами: искренней преданностью революционным доктринам, "честным фанатизмом" и прагматизмом, склонностью к компромиссам. Исходя из этого "открытия" Роули выводит, что ленинские принципы организации пролетарской

партии якобы не являлись существенной характеристикой ленинизма, а основывались сугубо на прагматических соображениях. И далее Роули заявляет, что дескать наша партия взяла на вооружение и развивала лишь одну из сторон "противоречивого" ленинского учения - прагматизм и возвела его в ранг политики, санкционируя с помощью ленинизма любые свои действия и шаги (30, р.8-13). В данном случае notable известный методологический прием советологии - извратить ленинизм, приписывая ему несуществующие черты и мнимые противоречия, а затем перенести эти черты на внутрипартийные принципы КПСС на современном этапе как соблюдение партией ленинских традиций.

Можно отметить, что отрицание объективного характера принципа демократического централизма является общим и типичным приемом всех буржуазных фальсификаторов истории КПСС, независимо от направлений и оттенков. Тезис о надуманном, "утилитарном" характере демократического централизма постулируют и авторы, в общем допускающие целесообразность применения принципа демократического централизма в деятельности большевистской партии. Они также рассматривают демократический централизм как "оправдание милитаристской иерархии партий" (23, р.54) или средство "идеологической рационализации" существующих партийных норм (14, р.91).

Суть вышеупомянутых буржуазных концепций сводится к искажению и принижению авангардной роли пролетарской партии. Являясь передовым, сознательным отрядом рабочего класса, высшей формой классовой организации пролетариата, партия вырабатывает и определенные организационные формы, соответствующие ее авангардной роли в обществе. Объективный характер принципа демократического централизма определяется прежде всего классовой природой нашей партии. Выполняя роль авангарда рабочего класса, партия закономерно отражает в своих организационных формах основные революционные черты, свойственные рабочему классу.

Сами объективные условия жизни и трудовой деятельности рабочего класса обуславливают характер политической организации пролетариата. Концентрация рабочих на предприятиях, условия крупного промышленного производства вызывают необходимость централизованного руководства, воспитывают в рабочих дисциплинированность и организованность. Еще Ф.Энгельс указывал, что специфика буржуазных отношений, заменяющих разрозненные действия комбинированной деятельностью людей требует организации, а значит и авторитета (I, с.302-303). Условия классовой борьбы рабочих с буржуазией также требуют сплоченности действий, четкой организации: ведь рабочему классу противостоит сильная, централизованная политическая организация буржуазии. Поэтому, как отмечал Ленин, "безусловная централизация и строжайшая дисциплина пролетариата являются одним из основных условий для победы над буржуазией" (4, с.6). В то же время положение рабочих в системе общественного производства, необходимость совместной борьбы против общего врага порождают коллективизм, взаимопомощь, товарищеские отношения, что создает предпосылки для развития внутрипартийной демократии в партии пролетариата.

Важность правильного соотношения демократии и централизма как основы организационных принципов партии пролетариата диктуется ее великой исторической миссией и вытекающими отсюда задачами. Проблемы осуществления буржуазно-демократической и социалистической революций, построения социализма, отличавшиеся новизной и сложностью, требовали как строгой дисциплины, централизации, стройного руководства, так и активности, творческой инициативы масс. Добровольный характер партии, объединяющей единомышленников, также способствует развитию демократизма в ее рядах.

Опровергая объективный характер принципа демократического централизма в целом, фальсификаторы прилагают особые усилия, чтобы доказать его "ненужность" на современном

этапе. Для второй цели советологи привлекают наиболее популярный в буржуазной науке тезис, будто научно-технический прогресс влечет за собой ослабление политического руководства обществом, а значит централизма и дисциплины в строительстве и деятельности самой партии. А так как организационные основы КПСС не соответствуют вышеуказанным буржуазным стандартам, то советологи в один голос уверяют, что якобы "бюрократически-догматические" формы КПСС безнадежно устарели и являются тормозом на пути превращения СССР в действительно современное общество. Наиболее непримиримую, антикоммунистическую позицию в этом вопросе занимает реакционные советологи: З.Ежезинский, западногерманский "специалист" по КПСС Б.Мейсонер. (15, р.138-139.19, р.30-32). Характерно, что буржуазные авторы проводят резкую грань между организационными принципами коммунистической партии в эпоху построения социализма и в период развитого социализма. Так, некоторые советологи не отрицают необходимость принципа демократического централизма в эпоху так называемой "модернизации" нашей страны, под которой они подразумевают период строительства социализма в СССР. Однако они упорно отстаивают ложный тезис о неправомерности применения принципа демократического централизма в строительстве и деятельности коммунистической партии на современном этапе, толкуют об имеющем якобы место кризисе организационных принципов ленинизма/29, р.423-424.14, р.187, 199.28, р.127/. Буржуазные нападки советологов различных направлений на принцип демократического централизма преследуют единую цель - организационно разоружить коммунистические партии, сделать их практически неспособными осуществлять свою авангардную роль в коммунистическом строительстве. Попытки буржуазных ученых подвергнуть сомнению значение принципа демократического централизма как основы строительства и деятельности коммунистической партии на современном этапе не имеют реальной основы.

Развитое социалистическое общество - сложный социальный организм, в котором возрастает значение планового, координированного развития всех отраслей народного хозяйства. Это закономерно вызывает необходимость комплексного, научного подхода к руководству советским обществом, повышает роль и ответственность коммунистической партии за осуществление задач коммунистического строительства.

Сложные и грандиозные проблемы строительства коммунизма, обуславливая усиление руководящей роли партии в советском обществе, предъявляют высокие требования и к принципам ее организации. XXIV съезд КПСС особо подчеркнул необходимость того, чтобы формы и методы организаторской и политической деятельности партийных организаций, их руководства хозяйственным и культурным строительством, как можно полнее отвечали духу нашего времени, большим задачам, стоящим перед партией (IO, с. 92).

Таким образом, закономерный характер демократического централизма на всех этапах исторического развития, в том числе и на современном этапе, определяется возрастанием руководящей роли рабочего класса и его партии в период социалистического и коммунистического строительства. В резолюции XXIV съезда КПСС отмечено, что неуклонное соблюдение ленинского принципа демократического централизма должно быть и впредь непременным законом жизни партии как решающее условие ее крепости и дееспособности (IO, с.208).

С целью подрыва организационных принципов коммунистической партии советологи широко используют еще один распространенный прием буржуазной науки - статический анализ общественных явлений, не принимая во внимание процесс их изменения и совершенствования. Так, буржуазные советологи рассматривают организационную структуру и принципы построения партии, в том числе и принцип демократического

централизма в отрыве от конкретно-исторической обстановки, как якобы застывшую, неизблемую догму, выработанную партией в начальном период своей деятельности и не подвергшуюся изменениям.

Характерной чертой буржуазной советологии является необоснованное абсолютизирование некоторого ограничения демократии в определенные периоды деятельности партии и возведение его в общую закономерность организационной политики партии. К примеру, Б.Вольф приписывает ленинизму крайний централизм и недоверие к рядовым коммунистам и местным партийным организациям (16, р.137). Такого же взгляда придерживается и небезызвестный американский советолог Э.Робертс (31, р.20). Естественно, что такая постановка вопроса исключает правильную, научную оценку соотношения элементов централизма и демократии в строении и деятельности нашей партии и не дает возможности выявить ведущие тенденции в развитии внутрипартийных отношений. Утверждения советологов, как всегда, далеки от исторической правды.

Выступая в качестве объективной закономерности коммунистической партии с начала ее существования до сегодняшнего дня, принцип демократического централизма постоянно видоизменяется и совершенствуется вместе с развитием самой партии. В резолюции X съезда РКП(б) по партийному строительству содержится важный вывод о зависимости форм организации и методов работы от особенностей данной конкретно-исторической обстановки и задач, вытекающих из этой обстановки (6, с. 206).

Соотношение между централизмом и демократией в рядах партии было различным в зависимости от условий легальной или нелегальной деятельности партии, мирного и военного времени, изменилось оно и после того, как партия стала правящей. Ленин, большевики всегда отстаивали необходимость конкретно-исторического подхода к применению демо-

кратии и централизма в партии. В годы самодержавия, политической реакции, когда партия действовала в подполье, а также в период гражданской войны партия прибегала к временному ограничению демократии для своих членов (5, с. 256. 6, с. 74), Эта вынужденная мера в деятельности партии определялась отнюдь не желаниями руководства, а стремлением сохранить боеспособность партийных рядов, обеспечить бесперебойное, четкое функционирование всех звеньев партии в трудной исторической обстановке.

Известно, что централизм в строении и деятельности нашей партии никогда не выступал в чистом виде, партия стремилась соблюдать принципы демократии в своих рядах даже в сложных исторических условиях. Уже Устав партии, принятый на II съезде РСДРП, предусматривал самостоятельность местных партийных организаций "в ведении дел, относящихся специально и исключительно к той области партийной деятельности, для заведования которой они созданы" (5, с. 69). В решениях III съезда РСДРП автономия местных комитетов была определена точнее (15, с. 110). В годы подъема первой русской революции расширились и возможности для более полного осуществления принципа демократизма в партии. Таммерфосская конференция РСДРП подчеркнула необходимость проведения широкого выборного начала с предоставлением выбранным центрам всей полноты власти в деле идейного и практического руководства наряду с их сменяемостью, самой широкой гласностью и строгой подотчетностью действий (5, с. 136). Даже в годы реакции, в период вынужденного ограничения демократизма оговаривалось, что кооптированные члены должны при первой возможности быть заменены товарищами, законно выбранными на основании Устава (5, с. 257). В дореволюционный период, независимо от политической обстановки, постоянно проводились заседания ЦК и съезды партии, что является наглядным подтверждением соблюдения принципа демократии в большевистской партии.

После победы Октябрьской революции в нашей стране сложились социально-экономические и политические возможности для всестороннего развития внутрипартийной демократии, для дальнейшего совершенствования принципа централизма.

Период построения социалистического общества характеризуется укреплением партийной дисциплины, единства рядов партии, которое осуществляется на основе расширения внутрипартийной демократии, повышения роли коллективных органов партии.

В условиях развитого социализма партия проводит курс на всемерную демократизацию своей внутренней жизни. Ведь построение коммунизма - в огромной степени результат творческой, созидательной деятельности широких народных масс. Поэтому развитие внутрипартийной демократии в КПСС осуществляется по линии повышения активности коммунистов, привлечения их к участию в выработке и проведению в жизнь политики партии. Тенденция к возрастанию значения внутрипартийной демократии в КПСС выражается в расширении прав коммунистов, усилении общественных начал в партийной работе, в повышении роли первичных организаций в коммунистическом строительстве, в частности в увеличении круга первичных парторганизаций, которым предоставлено право контроля деятельности администрации. Эти важнейшие направления политики партии в области внутрипартийных отношений закреплены в решениях XXII, XXIII и XXIV съездов КПСС (8, с. 423-427, 432. 9, с. 195-196, 10, с. 212). В то же время партия нацеливает партийные организации на укрепление дисциплины и единства рядов партии, на усиление ответственности коммунистов за судьбы страны (9, с. 201-202. 10, с. 209).

Анализируя историю возникновения и развития принципа демократического централизма с неверных позиций, советологи искажают и его сущность путем огульного отри-

цания внутрипартийной демократии в КПСС и выпячивания элементов централизма. Ограниченность буржуазных способов исследования, их неприкрытая тенденциозность не позволяет советологам рассматривать данный принцип как диалектическое единство двух сторон - демократии и централизма. Не допуская возможности совмещения централизма и демократии в КПСС, демонстративно игнорируя ленинское понимание сущности демократического централизма, буржуазные авторы упражняются в изобретении своих собственных вариантов и интерпретаций демократического централизма. Так, известный французский советолог Р.Алон утверждает, что демократический централизм в действительности не демократия, а якобы руководство правящей группы (13, р.72). Американский профессор Мичиганского университета А.Мейер считает, что формула демократического централизма отражает некий конфликт между демократическими и бюрократическими принципами (27, р.154). Профессор Мельбурнского университета Л.Черчворд недоумевает, почему организационная теория КПСС берет в качестве центрального принципа демократический централизм, а не демократию (18, р.203). Несмотря на то, что каждый советолог претендует на оригинальность и выдвигает свое особое мнение насчет характера организационных принципов КПСС, буржуазные толкования демократического централизма в своей основе однородны и берут в качестве фундамента "теорию" конфликта между централизмом и демократией в КПСС.

Теоретическая несостоятельность советологических домыслов о сущности демократического централизма заключается в том, что они совершенно игнорируют необходимость централизма в строении и деятельности КПСС и необоснованно расширяют элементы демократии до ее анархистского понимания. Буржуазные советологи неправомерно сводят сущность демократического централизма к действию одних элементов демократии. Поэтому любые проявления централизма

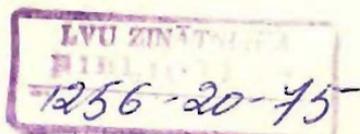
в рядах партии они квалифицируют как нарушение придуманного ими принципа демократического централизма, как отклонение в сторону бюрократизма.

Ленин всегда рассматривал централизм и демократию в неразрывном единстве, подчеркивая, что ни один принцип, взятый в отдельности, не может служить руководящим принципом организационного строения партии. "Мы всегда защищаем в нашей печати внутрипартийную демократию. Но мы никогда не высказываемся против централизации партии. Мы за демократический централизм" (3, с. 72).

Большевистская партия неустанно боролась против буржуазных и мелкобуржуазных извращений демократического централизма - бюрократического централизма, с одной стороны, и, анархизма, с другой. Выступая против оппортунизма меньшевиков в организационных вопросах, приравнивавших значение централизованного руководства в деятельности партии нового типа, Ленин писал, что организованная партия означает "создание власти, превращение авторитета идей в авторитет власти, подчинение партийным высшим инстанциям со стороны низших" / 2, с. 355 /. В то же время большевистская партия боролась против наивного бюрократического понимания централизации как требования слепого повиновения центрам. Большевики указывали, что руководящий орган должен находиться в тесном общении с партией, в неразрывной связи с движением пролетариата. "Лишь как результат коллективного творчества партии может он выполнить свое назначение" (5, с. 100).

Диалектическое единство демократии и централизма в КПСС является ведущей закономерностью внутрипартийных отношений в КПСС на всех этапах исторического развития.¹

¹ См. подробнее: "Организационно-партийная работа." Вып. I. М., 1969; Лавричев В.М. Демократический централизм-диалектический принцип организационного строения КПСС. М., 1971.

Однако именно в условиях социально-политического и идейного единства советского народа, с превращением КПСС в авангард всего советского народа может быть наиболее гармоническое сочетание демократии и централизма в структуре и деятельности нашей партии на основе всестороннего развития каждого из них.

Необходимо подчеркнуть, что централизм и демократия в нашей партии не только взаимосвязаны, но и взаимно дополняют и определяют друг друга. Именно на основе развития внутрипартийной демократии дисциплина в партии становится самодисциплиной, построенной на высокой сознательности и ответственности коммунистов, объединенных единой целью. Лишь в результате неукоснительного соблюдения демократии-выборности, гласности, подотчетности, партийное руководство имеет возможность применять подлинно научный подход в выработке политической линии партии, осуществлять централизованное руководство народным хозяйством, в полной мере учитывая конкретный опыт партийных организаций, мнение широких масс коммунистов и беспартийных. Таким образом, централизм в строительстве и деятельности нашей партии развивается и укрепляется на основе внутрипартийной демократии и носит глубоко демократический характер. И в то же время только на основе всемерного укрепления партийной дисциплины, единства рядов партии внутрипартийная демократия имеет действенный характер и способствует успешному воплощению в жизнь политики партии.

XXIV съезд КПСС, предостерегая против однобокого, метафизического понимания принципа демократического централизма, еще раз подчеркнул, что для марксистско-ленинской партии одинаково вредны как анархическая распушенность, выдаваемая за демократию, так и бюрократическая централизация, сдерживающая развитие инициативы и активности коммунистов. (10, с. 95).

Дискредитация советологами практического воплощения в жизнь принципа демократического централизма является как бы завершающим приемом из всей серии антикоммунистических извращений этого важнейшего принципа. Известно, что принцип демократического централизма находит конкретное воплощение в уставных положениях, регламентирующих принципы и нормы внутрипартийных отношений. Практическое осуществление принципа демократического централизма предусматривает неукоснительное выполнение правил внутренней жизни партии, вытекающих из демократического централизма и зафиксированных в Уставе. Партия проявляет постоянную заботу о том, чтобы нормы и принципы внутрипартийной жизни строго соблюдались в работе партийных организаций.

Буржуазные советологи трактуют эти положения с диаметрально противоположных позиций. Исходным пунктом, вокруг которого концентрируются фальсификаторские изыскания советологов в области внутрипартийных отношений, является тезис о минимуме несоответствия между теорией и практикой в деятельности КПСС. Так, Р. Арон настаивает, что существует якобы противоречие между Уставом и практикой внутрипартийной жизни - (12, р. 256). Ему вторит американский советолог из Вермонтского университета Р. Дэниэлс, категорически заявляющий, что коммунизм якобы отличается большим несоответствием между теорией и практикой и якобы лишь прикрывается демократическим гуманизмом. (20, р. 9). Задавшись целью очерочить организационные принципы КПСС и не располагая действительными фактами, советологи привлекают излюбленный метод буржуазной науки - субъективизм. Они опять-таки интерпретируют практическое выполнение уставных положений в свете волюнтаристических актов партийного руководства.

Западногерманский советолог Б. Леницкий придерживается взгляда, будто содержание Устава определяется теми вождями и группами, которые в данный момент стоят у влас-

ти (26, с. 51). А. Мейер, акцентируя внимание на том, что правила Устава не оговаривают ряд деталей, приходит к выводу, что якобы руководство может узко или широко интерпретировать соответствующие положения Устава (27, р. 154). Рассуждения профессора Колумбийского университета Д. Хэзарда о противоречии между теорией и практикой внутрипартийной жизни КПСС базируются на ложном утверждении, будто советские руководители обладают способностью манипулировать уставными положениями, в частности демократическими формулами в своих собственных целях (22, р. 18). Как видно из рассуждений советологов, они пытаются подвергнуть сомнению осуществление внутрипартийной демократии в КПСС. Практическая деятельность партийных организаций по проведению в жизнь принципов и норм внутрипартийной жизни, составляющих основу принципа демократического централизма, еще раз наглядно свидетельствует о необоснованности попыток советологов противопоставить теорию практике. Социалистический демократизм-демократизм действия. Практика выборов руководящих партийных органов, коллективность в работе партийных органов, осуществление критики и самокритики в рядах КПСС, гласность в работе партии подтверждают действенность нашей внутрипартийной демократии.

Так, в ходе отчетно-выборных партийных собраний, предшествовавших XXIV съезду КПСС, приняло участие более 90 % коммунистов, в прениях участвовало свыше 3 млн. человек (10, с. 94). В 1973 г. в ходе отчетно-выборных партийных собраний приняло участие 93 % состава партийных организаций, в прениях по отчетным докладам выступило почти 3,6 миллионов человек, или более 26 % всех присутствующих. На районных, городских, областных и краевых конференциях выступило более 70 тысяч человек, которые выразили общее мнение миллионов коммунистов, (II).

Характерно, что на платформе извращения принципа демократического централизма тесно смыкаются взгляды представителей различных

политических группировок и направлений - ревизионистов, анархистов, буржуазных апологетов советоведческой науки. Еще на заре существования партии Ленин в своей работе "Шаг вперед, два шага назад" отметил типичную черту русского и международного оппортунизма - его однородность в организационных вопросах. Ленин подчеркнул, что во всех странах оппортунисты горой стояли за автономизм, за ослабление партийной дисциплины, за сведение ее к нулю, и что везде их тенденции приводили к дезорганизации, к извращению "демократического принципа" в анархизм (2, с.388). Последующая история нашей партии также подтвердила актуальность этих слов. И троцкистско-виновьевский блок, и правый уклон в нашей партии, активизировавшиеся в трудный для страны период, выдвигая различные программные и тактические принципы построения социализма, солидаризировались в области критики внутрипартийных отношений. Представители оппозиционных блоков противопоставляли внутрипартийную демократию партийной дисциплине, выступали за свободу фракций и группировок и старались использовать такого рода демократию для развала партийной дисциплины и подрыва единства партии.

На современном этапе правые оппортунисты Фишер, Марек, Гароди ратуют за трансформацию централизованной, организованной коммунистической партии в конгломерат автономных организаций, не связанных единой партийной дисциплиной, не имеющей единого руководящего центра. С ними по сути дела смыкаются представители левацко-анархистского уклона, отрицающие необходимость всякой, и особенно пролетарской организации. Так, защитники идеологии несанархизма братья Кон-Бендит, выступая против организационных принципов большевизма, утверждают, что демократия не может существовать в партии, т.к. партия основана на руководстве, а не представительстве (17, р. 250).

Взгляды прежних и нынешних буржуазных и мелкобуржуазных критиков организационных принципов пролетарской партии наглядно показывают историческую преемственность извращений демократического централизма. Если оппозиционеры под флагом борьбы за внутрипартийную демократию выступали против партийного руководства, то современные советологи и ревизионисты также выступают против руководящей роли партии, пытаются лишить ведущий организационный принцип демократического централизма своего значения и превратить ленинскую партию в подобие дискуссионного клуба.

Если подытожить методологические приемы буржуазных извращений принципа демократического централизма, то они сводятся в основных чертах к следующим: 1. Субъективистское толкование организационных принципов коммунистической партии. 2. Попытки доказать "несубъективный" характер принципа демократического централизма. 3. Игнорирование конкретно-исторического подхода в оценке проявления принципа демократического централизма. 4. Извращение самого содержания: принципа демократического централизма путем метафизического противопоставления демократии и централизма. 5. Поиски противоречий между теоретическими уставными положениями о принципах и нормах внутрипартийной жизни и практической деятельностью партии по воплощению их в жизнь. Данные советологические приемы и способы "исследования" организационных принципов КПСС зиждутся на ложной методологической основе: субъективизме, метафизическом толковании фактов действительности, софистике. В "трудах" советологов различных оттенков и направлений они тесно переплетаются, дополняют друг друга, и, в конечном итоге, служат единой фальсификаторской цели: опорочить организационные основы КПСС путем извращения принципа демократического централизма.

Направленность буржуазной "критики" организационных основ КПСС вполне объяснима с точки зрения классовых целей советоведческой "науки". Децентрализация политического руководства, плюрализм автономных групп вместо единой централизованной коммунистической партии, безбрежная демократия рассматриваются в советологии как необходимый и желаемый результат вырождения коммунистической партии, сведения на нет ее руководящей роли в советском обществе.

Несмотря на поиски врагов марксизма-ленинизма, огромный исторический опыт КПСС и других марксистско-ленинских партий доказал жизненную силу и значение принципа демократического централизма как неизбежной основы организационного строения и деятельности коммунистических партий. Как отметил Л.И. Брежнев в докладе "50 лет великих побед социализма": "Мы будем и впредь совершенствовать внутрипартийную демократию, укреплять принципы коллективного руководства, развивать инициативу членов партии, добиваться того, чтобы все коммунисты активно участвовали в обсуждении, выработке и осуществлении линии партии, крепить дисциплину партийных рядов. У нас есть надежная основа для этой работы - ленинский принцип демократического централизма, ленинские нормы партийной жизни. Соблюдение этих норм является для нас непреложным законом." (7, с. 67-68).

Л и т е р а т у р а

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 8.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 27.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. т. I, изд. 8, М., 1970.
6. КПСС в резолюциях ..., т. 2, изд. 8, М., 1970.
7. Брежнев Л.И. Пятдесят лет великих побед социализма. М., 1967.
8. Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961.
9. Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966.
10. Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971.
11. "Правда", 1974, 19 марта.
12. R.Aron. Democratie et Totalitarism. Paris, 1965.
13. H.Aron. Progress and Disillusion. Paris, 1972.
14. I.Blondel. Comparing Political Systems. London, 1972.
15. Z.Brzezinski. Between Two Ages. New York, 1970.
16. B.Wolfe. Reflections on the Soviet System. The Durable Core of Totalitarianism. The USSR After 50 Years.. Promise and Reality. N-Y, 1967.
17. Communism, Fascism and Democracy. N-Y, 1972.
18. L.Churchward. Contemporary Soviet Government. London, 1968.
19. Elements of Change in Eastern Europe. Prospects for Freedom. Chicago, 1968.
20. R.Daniels. Russia . N-Y, 1964.
21. Ideologies and Modern Politics. Oxford. Ohio, 1972.
22. J.Hazard. The Soviet System of Government. Chicago-London, 1968.
23. P.Hollander, Soviet and American Society. N-Y, 1973.
24. The Future of Communism in Europe, 1968.

25. P.Kneen. Group Conflict Approach to Soviet Union. University of Birmingham, England, 1971.
26. B.Lewitzkyi. Die Kommunistesche Partee der Sowjetunion, Portrait eines Ordens. Stuttgart, 1967.
27. A.Meyer. The Soviet Political System. An Interpretation. N-Y, 1965.
28. Les Marxismes Après Marx. Paris, 1970.
29. P.H.Merkl. Comparative Modern Politics. N-Y-Chicago, 1970.
30. On the Road to Communism. Ed by E.Kanet., 1972.
31. E.Roberts. Russia Today. Newsbook. The National Observer, 1967.
32. L.Schapiro. The Communist Party of the soviet Union. L, 1970.
33. L.T.Sargent. Contemporary Political Ideologies. The Dorsey Press. Homerword, Illinois, 1969.

Г. А. СТОРОЖЕНКО

КРИТИКА АНТИКОММУНИЗМА И РЕВИЗИОНИЗМА
ПО ВОПРОСУ О РОЛИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ
И ЗНАЧЕНИИ ЕЕ ПОЛИТИКИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Возрастание руководящей роли марксистско-ленинской партии - одна из основных закономерностей революционной борьбы против эксплуататорского строя, становления и развития социализма. Это особенно важно подчеркнуть, как отметила международная научная конференция в Берлине (1970 г.), ибо некоторые теоретики ревизионистского толка утверждают, будто руководящая роль партии необходима лишь на каком-то одном этапе, например, до революции (40, с. 2).

Вывод берлинской научной конференции целиком базируется на ленинском учении о партии, подтвержденном всем ходом мирового революционного процесса. В.И. Ленин учил, что партия необходима рабочему классу и всем трудящимся не только в период борьбы за свержение эксплуататорского строя и установления диктатуры пролетариата, но и в условиях строительства нового общества. Он подчеркнул, что без руководящей роли партии "диктатура пролетариата неосуществима" (1, с. 94), что коммунистическая партия представляет собою "авангард пролетариата, способный взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовывать новый строй" (2, с. 26).

Как известно, по вопросу о роли коммунистической партии в общественном прогрессе идет острая борьба между марксистами-ленинцами, с одной стороны, и представителями антикоммунизма и оппортунизма, - с другой. Л.И. Брежнев отметил на XXIV съезде КПСС, что вопрос о руководящей роли партии "это - один из коренных вопросов революционного движения, строительства нового общества" (6, с. 102).

В современную эпоху, когда ширится процесс перехода человечества от капитализма к социализму, все более углубляется общий кризис капиталистической системы, государственно-монополистический капитализм изощряется в поисках путей своего спасения и приспособления к происходящим в мире сдвигам. Идеологи монополистического капитала, понижая возрастающую роль коммунистов в борьбе трудящихся масс за социальный прогресс, переустройство мира на социалистических началах, свои главные удары направляют прежде всего против марксистско-ленинских партий. Эти удары, как свидетельствуют события в Венгрии 1956 года, Чехословакии 1968 года и другие факты, не ограничиваются областью идеологической борьбы, но могут приобретать и прямые попытки отстранения рабочего класса во главе с его партией от руководства социалистическим обществом в целях реставрации капитализма.

При этом антикоммунизм, делая ставку на различные течения ревизионизма в рабочем и коммунистическом движении, пытается подорвать единство, расколоть коммунистические партии и мировую систему социализма. Такая ставка идеологов капитализма на ревизионизм вполне понятна, ибо ревизионизм - это отступление от пролетарских классовых позиций, это подмена марксизма-ленинизма буржуазными и мелкобуржуазными концепциями (5, с.66-67). Предательская сущность ревизионизма ярко проявляется в том, что, как указал Л.И.Брежнев, "в социалистических странах правый оппортунизм доходит до отрицания руководящей роли марксистско-ленинской партии, что может повести к одаче завоеванных социализмом позиций, к капитуляции перед антисоциалистическими силами" (5, с.67).

Всемерная борьба против антикоммунизма и ревизионизма, разоблачение реставраторской сущности их идеологических атак на ленинское учение о партии - актуальная задача современной марксистско-ленинской науки. За последние годы значительно возросло внимание ученых-обществоведов стран социализма к данным проблемам. Большое отражение это нашло в материалах ряда международных теоретических конфе -

ренций марксистов-ленинцев (40; 42; 43), в ряде опубликованных коллективных монографий или сборников статей (34; 26; 27; 29; 38; 39; 44; 48). В той или иной мере рассматриваемые вопросы освещаются в публикациях Н.И.Азарова, В.С.Александрова, А.С.Вишнякова, Т.А.Зеленцовой, О.И.Коновалюка, В.А.Молибошко, П.В.Свечникова, С.Л.Титаренко, М.Х.Фарукшина и других исследователей. Автор публикуемой ниже статьи стремился, не претендуя на исчерпывающий анализ данной проблемы, рассмотреть некоторые аспекты критики антикоммунизма и ревизионизма по вопросам о значении марксистско-ленинской теории в современных условиях, о возрастании роли коммунистической партии и ее политики в жизни социалистического общества.

1. Научная основа деятельности партии и современная идеологическая борьба

Научной основой всей деятельности коммунистических партий - и в условиях борьбы против эксплуататорского строя, и в условиях строительства социализма и коммунизма - является марксизм-ленинизм как цельная наука, состоящая из трех составных частей: философии, политэкономии и научного коммунизма. Марксистско-ленинская наука является тем теоретическим компасом, который указывает основные направления общественного прогресса.

Коммунистическая партия сильна своей преданностью идеям марксизма-ленинизма, которые вооружают коммунистов, широкие массы трудящихся умением овладевать объективными законами развития природы и общества и использовать их в целях активного преобразующего воздействия на окружающую природу и социальную действительность. Марксистско-ленинская теория служит, как отмечает М.А.Суслов, "надежным руководством к действию, освещая ярким светом науки и знания путь революционному движению, борьбе и созидательной деятельности трудящихся" (12, с.255).

Антикоммунисты и ревизионисты, атакуя коммунистические партии, пытаются прежде всего исказить и даже отри-

пать преобразующую роль коммунистической идеологии. Именно в этом направлении особенно острые формы приобретает современная идеологическая борьба.

В своих "изысканиях" буржуазные ученые в угоду микромату капиталу доходят до попыток полностью отрицать научный характер марксизма-ленинизма и построить некие "универсальные" системы, якобы доказывающие вопреки выводам марксизма-ленинизма возможность неревOLUTIONионного движения общества на основе капитализма к "всеобщему благоденствию". Как известно, в этом заключается основной вывод многочисленных течений теории "конвергенции". Одним из последних криков моды буржуазной науки являются попытки представить общую теорию кибернетики в качестве "универсальной науки" об обществе. В недавно вышедшей книге философа-марксиста Г.Клауса "Является ли кибернетика новой универсальной философией общества?" убедительно разоблачается именно такая точка зрения буржуазного ученого К.Штейнбуха (ФРГ), который выдвинул некую "кибернетическую универсальную философию" в качестве альтернативы марксизму-ленинизму и вообще любым философским теориям - и материалистическим, и идеалистическим. К.Штейнбух считает, что эта "универсальная наука" возвышается и над материализмом, и над идеализмом. По его мнению, и материализм, и идеализм находятся на уровне "преднаучной философии", а кибернетика же у него превращается в единственную науку о всеобщих законах природы и общества (66, с.12).

Такие попытки противопоставления кибернетики другим наукам, наделения ее "глобальными" свойствами не имеют под собой научной основы. Достижения общей теории кибернетики, ее значение в развитии общей теории управления общеизвестны. Поэтому коммунистическая идеология отрицает попытки противопоставления кибернетики философии марксизма. Кибернетика имеет свою специфику, свой "диапазон": она изучает принципиальные основы управления вообще. Но она не является наукой, изучающей всеобщие законы развития, движения в природе и обществе. Признавая ценность основ теории кибернетики, коммунистические партии стран соци -

ализма стремятся использовать современные достижения в развитии кибернетики и особенно ее стержневой проблемы - теории информации. В своей политике по развитию системы научного управления социалистическим обществом братские партии уделяют огромное внимание проблемам использования потоков социальной информации, кибернетических методов экономико-математического моделирования, прогнозирования, программирования, всемерного развития автоматических систем управления и т.д.

Буржуазные теоретические вдохновители "антисциентизма" - "антинауки", неверия в науку - пытаются отрицать познавательные и преобразующие возможности общественных наук. Само понятие "общественные науки" они подменяют расплывчатым термином "социальная техника" и утверждают, что якобы в мире вообще отсутствует надежная "социальная техника", раскрывающая перспективы общественного прогресса. Подобными приемами предпринимается попытка "замолчать" марксизм-ленинизм", подорвать доверие к нему широких масс трудящихся. На это же направлены различные схемы "открытого марксизма" - такого преобразования теории рабочего класса, которое привело бы к ее ликвидации, "объединению" в ней враждебных мировоззрений, и сосуществованию, "плюрализму" идей. В конечном итоге это могло бы привести к перерождению, распаду компартий. В связи с этим буржуазный журнал "Парламент" (ФРГ) писал: "Открытый или раскрытый кем-то марксизм означает, что на почве коммунистической партии могут объединяться представители разных мировоззрений, и в этом случае речь шла бы о внутрипартийном сосуществовании идей" (20, с.18).

Стремясь идейно обезоружить рабочий класс и его партии, антикоммунисты рекламируют теорию "деидеологизации", пытаются доказать, что в условиях современной научно-технической революции роль идеологии отмирает, на первый план выступают проблемы технического прогресса, решение которых якобы и приведет к коренным социальным сдвигам. На этом и строится ненаучный вывод о ненужности революционной теории. Западногерманский философ И.Фетнер пишет,

что "пролетариат не нуждается в том, чтобы в него было внесено социалистическое сознание" (64, S. 123). Социальный смысл подобных рассуждений заключается в том, чтобы лишить революционные силы их идейной основы, притупить классовое самосознание трудящихся. Характерным в этом отношении является "прогноз" социолога С. Липсета (США) о сущности "классовой" борьбы в условиях "деидеологизации": "Демократическая классовая борьба будет продолжаться, но это будет борьба без идеологий, без красных флагов и перломайских парадов" (60, p. 442).

Антикоммунисты Э. Бжезинский, Л. Шапиро и другие, применяя методы клеветы и голословных утверждений, не скрывают своих надежд на ослабление влияния марксистско-ленинской идеологии и коммунистических партий в странах социализма. Э. Бжезинский пытается строить прогнозы распада компартий социалистических стран при условии, "если бы утратила свою силу идеология, в частности, среди членов партии" (56, p. 136). Буржуазные ученые в искаженном свете рисуют сам процесс идеологической деятельности партии, направленной на коммунистическое воспитание трудящихся. Профессор Л. Шапиро (Англия) в своей фальсификаторской истории КПСС пишет о том, что якобы коммунистическая идеология "представляет собою систему обязательных для всего населения убеждений", "насиленно внедряемых" в сознание людей (63, p. 627). Н. Хиер (США) пытается доказать "стремление КПСС сохранить жесткий идеологический контроль" (58, p. 270), а Э. Бжезинский заявляет, что советская идеология - есть продукт "бюрократического декретирования" (57, p. 153).

Подобные утверждения буржуазных идеологов свидетельствуют о их нежелании изучать реальные процессы в жизни советского общества и правдиво их описывать. Они вынуждены ограничиваться общими, надуманными схемами посполку реальные факты свидетельствуют против них. И действительно, о каком "насильном внедрении", "декретировании" марксистско-ленинской идеологии может идти речь, если эта идеология становится в СССР поистине делом всего народа, овладевает сознанием широких масс трудящихся. В Советском Союзе в раз-

личных кружках и семинарах системы партийного и комсомольского просвещения ежегодно добровольно в свободное от работы время изучают марксизм-ленинизм свыше 25 млн. человек. В широко популярных народных университетах обучается более 3 млн. слушателей (49, с. 297). Большинство среди этих почти 30 млн. человек - беспартийные. Кроме того, десятки миллионов человек овладевают революционной теорией при помощи других форм обучения - на семинарах и курсах повышения квалификации, в средних и высших учебных заведениях и т.д. В латвийской ССР в 1973-1974 учебном году только в системе партийного образования марксистско-ленинскую теорию изучали свыше 180 тыс. человек, из них одна треть - беспартийные (II). В целом в нашей республике обучается каждый третий житель, и где бы он не учился, но стремление овладеть основами революционной теории стало делом каждого.

Модным приемом искажения идеологами капитала социальной роли марксизма-ленинизма стало противопоставление Маркса Ленину, марксизма ленинизму. Выдвигается ложный тезис "нежизненности", "неприменимости" ленинизма в современных условиях. Э.Бжезинский пытается утверждать: "Мой исходный тезис заключается в том, что ленинизм в условиях современного развитого общества изжил себя" (30, с.104). Волею за ним А.Мейер (США) объявил ленинизм "малоприменимым" "для государственных деятелей и революционеров" (61, р.292). Мейер здесь по-видимому имеет в виду буржуазных государственных деятелей и псевдореволюционеров.

В попытках искажения, отрицания выдающейся исторической роли марксизма-ленинизма с антикоммунистами непосредственно смыкаются правые ревизионисты Р.Гароди, Э.Фишер, Ф.Марек, Т.Петков и другие. Характерны для ревизионистских искажений учения о партии является противопоставление учения К.Маркса и Ф.Энгельса о партии рабочего класса учению В.И. Ленина о партии. Э.Фишер и Ф.Марек (Австрия) утверждали, что Ленин при создании революционной партии рабочего класса исходил не из исторической потребности классовой борьбы, а из якобы сугубо личного, волюнтаристского вре-

увеличения роли субъективного фактора. Нападки на марксизм-ленинизм, противопоставление марксизма ленинизму нужны ренегатам для того, чтобы парализовать притягательное значение революционной теории, идеи которой практически воплощаются в реально развивающемся социализме. Становление и развитие социалистического общества есть процесс воплощения в действительность марксистского учения, развитого В.И. Лениным в новых исторических условиях (23, с. 117-118).

Ленинизм продолжает быть руководством к действию и на современном этапе. Но ревизионисты пытаются представить ленинизм как ограниченное, лишь национально-русское явление, не имеющее международного значения (34, с. 6). Характерным в этом отношении было выступление ревизиониста Ч. Цисаржа в Праге в 1968 году, суть которого сводилась к отрицанию интернационального значения ленинизма, к отрицанию того, что ленинизм является руководством к действию и в современных условиях (22, с. 15).

Ревизионисты требуют пересмотра, "трансформации" коммунистической идеологии. Э. Фишер, ставя под сомнение актуальность основных принципов революционной теории, требовал "свободы критики" этих принципов. По его мнению "критика всякого принципа признается в качестве основного права каждого члена партии" (48, с. 27). Этим рассуждением о праве на критику Фишер по сути дела призывал к полной ревизии марксизма-ленинизма. И на практике сам пошел по этому пути, за что и был исключен австрийскими коммунистами из рядов партии. Р. Гароди требует от коммунистов отказа от материалистического мировоззрения. "Если партия, - пишет он, - не хочет быть сектой доктринеров, ... она не может иметь какую-то "официальную философию", она не может быть в принципе ни идеалистической, ни материалистической, ни религиозной, ни атеистической" (34, с. 95).

Это ревизионистское заявление Гароди о "безразличии" партий к проблемам мировоззрения является повторением антикоммунистических измышлений о том, что рабочий класс якобы не нуждается во внесении в его сознание революцион-

ной теории, не нуждается в марксистско-ленинской идеологии как руководстве в борьбе за справедливый общественный строй. Антикоммунизм и ревизионизм в конечном итоге выполняют одинаково направленную социальную роль - пытаются разрушить идеологически революционные массы, подорвать научную основу успешной деятельности коммунистических партий.

2. Несостоятельность буржуазно-ревизионистских попыток отрицать руководящую и всё возрастающую роль партии в строительстве социализма и коммунизма

Буржуазные идеологи и ревизионисты не ослабляют попыток подорвать коммунистические партии изнутри, толкнуть их на путь самоликвидации, перерождения в реформистские партии. Американский профессор Р. Беркс в статье, опубликованной в антикоммунистическом журнале "Проблемы коммунизма" (США), открыто излагает надежды буржуазных идеологов на превращение КПСС в реформистскую партию путем внедрения в нее элементов оппозиционности и "плюрализма". Он пишет, что "партия должна быть готова поощрять разнообразие и в своих собственных национальных рамках". По его мнению "ленинская революционная партия должна быть заменена реформистской партией нового типа". В качестве аргумента в пользу "нового типа партии", построенной по принципам "плюрализма", выдвигаются клеветнические измышления о том, что отношения в КПСС основаны "на принуждении", руководство внутри партии базируется "на новом классе безликих аппаратчиков", а принцип демократического централизма якобы не совместим с действительно коллективным принятием партийных решений (37, с.65).

С подобными требованиями и рекомендациями буржуазных идеологов вполне солидарны ревизионисты. Отнюдь не случайно, что все антипартийные "сочинения" Р. Гароди и других правых ревизионистов охотно публикуют буржуазные газеты, журналы и издательства.

Ревизионисты высказываются за перерождение марксистско-ленинских партий в дискуссионные клубы, в которых конкретные революционные действия подменялись бы безбрежной дискуссионщиной. Р.Гароди это требование проводит под лозунгом обеспечения "свободы обмена мнениями". Он считает, что только на этой основе обеспечивается "свободная циркуляция идей", что "должна существовать возможность проведения по каждому важному вопросу открытой дискуссии относительно наиболее подходящих средств достижения этой цели" (34, с.101). Иными словами, партии как боевой политической союзы единомышленников, объединенных стремлением к общей цели и единством идеологии, перестает существовать и превращается в бесформенное объединение людей, ведущих бесконечные дискуссии, парализующие всю их практическую деятельность.

Р.Гароди настаивает на ревизии "самой концепции партии и ее организации", пересмотре "модели" "коммунистической партии в высокоразвитой с экономической и технической точки зрения стране с образованным рабочим классом" (34, с.97). Э.Фишер призывал ликвидировать компартии в том виде, в каком они сложились и действуют, растворить их в коалициях левых сил, в которых коммунисты не пользовались бы ведущей ролью и не имели бы своей оформленной организации. Фишер писал: "На мой взгляд, большинство существующих партий устарели по своей форме и по своему типу. Я вижу возможность образования вопреки старым застывшим позициям новых объединений единомышленников и борцов. Если хотите, из марксистов и немарксистов, из коммунистов и социалистов, из католиков и протестантов" (34, с.90-91). А Ф.Марек требует заменить компартию совсем уж неопределенным надпартийным "движением давления" (34, с.91).

Нападая на ленинские организационные принципы партии, ревизионисты особенно стремятся опорочить принцип демократического централизма, именуя его не иначе как "бюрократическим централизмом" (34, с.100). Произвольно разрывая диалектическое единство демократии и централизма, заключенное в этом ведущем принципе организационного строения

и жизни коммунистических партий, ревизионисты пытаются представить дело так, что осуществление централизма и забота о дисциплине в партии якобы неизбежно приводят к ее бюрократизации. Твердое следование принципам демократического централизма, как справедливо замечают авторы коллективного труда института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС "Научный коммунизм и фальсификация его ренегатами", позволяет партии и ее руководству осуществлять неразрывную связь с массами, обеспечивать единство в политике и идеологической работе, добиваться сплоченности и единодушия руководителей и рядовых активистов, опираться на опыт и инициативу масс и направлять их усилия на достижения единой цели - построение социализма и коммунизма (34, с.100).

Антикоммунисты и ревизионисты используют свои нападки на коммунистические партии с целью отрицания исторической необходимости их политического руководства революционным движением и строительством нового общества. Они клеветнически обвиняют коммунистические партии стран социализма в узурпации власти, в подмене диктатуры пролетариата "диктатурой партии". Американский историк Д.Кеннан пишет, не пытаясь даже апеллировать к каким-либо фактам: "Скептический глаз историка - немарксиста находит трудным признать в диктатуре пролетариата что-нибудь большее, чем диктатуру коммунистической партии". Аналогичное утверждает С.Гендель (США): "диктатура пролетариата стала при Ленине диктатурой коммунистической партии" (33, с.18).

Критикуя подобные фальсификаторские утверждения, В.И. Ленин писал: "Одна уже постановка вопроса: диктатура партии или диктатура класса? диктатура (партия) вождей или диктатура (партия) масс?" свидетельствует о самой невероятной безысходной путанице мыслей" (3, с.24). Будучи партией рабочего класса, его авангардом, теснейшим образом связанным с массами, партия не может иметь иных интересов, кроме интересов трудового народа. В качестве авангарда рабочего класса и других слоев трудящихся партия является направляющей политической силой социалистического общества. Она поэтому занимает ведущее место в политической системе

социалистического общества на всех этапах его развития, в том числе и на этапе диктатуры пролетариата, но отнюдь не подменяет органы диктатуры пролетариата.

Несостоятельным является и утверждение врагов научного коммунизма об узурпации коммунистами политической власти в социалистических странах. марксистско-ленинские партии являются правящими партиями в этих странах. Это означает, что они политически направляют (путем выработки основной линии развития общества, подбора руководящих кадров и т.д.) в соответствии с намеченными задачами деятельность органов социального управления, состоящих из представителей широких масс трудящихся - и партийных, и беспартийных. Правящими партии становятся в результате того доверия, которое им оказывает трудовой народ после победы социалистической революции, отдающий на выборах предпочтение коммунистам по сравнению с другими партиями.

Такое доверие со стороны народа обусловлено всем ходом решительной революционной борьбы коммунистов в условиях эксплуататорского строя за интересы трудящихся, в ходе социалистической революции и в борьбе за упрочение ее завоеваний.

Обосновывая это обстоятельство, В.И. Ленин писал: "Мы, партия большевиков, Россию убедили. Мы Россию отвечали - у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией управлять" (4, с.172). С этой установкой В.И. Ленина перекликаются слова выдающегося революционного деятеля, председателя правительства Советской Латвии Петра Стучки, который писал в январе 1919 г. следующее о руководящей роли Компартии Латвии в республике: "нас большевиков-коммунистов иногда упрекают, что наше правительство состоит только из одной правящей партии, на это мы с гордостью отвечаем: да, мы правительство только одной партии, но мы вместе с тем правительство рабочих Советов, т.е. рабочего класса, правительство большинства населения Латвии..." (13, с.37-38).

Но не считаясь с очевидными фактами развития реального социализма, антикоммунисты все еще продолжают утвер -

ждать, что якобы социалистическое общество не нуждается в руководстве со стороны коммунистической партии и вообще эта партия не нужна в условиях победившего социализма. Американский философ Дж. Скотт писал: "Историческая функция коммунистической партии заключается в проведении индустриализации СССР. Этим можно оправдать ее монополию в течение определенного периода как необходимую жертву, чтобы решить основную задачу. Сейчас эта жертва экономически больше не нужна. Следовательно, коммунистическая партия в политическом смысле уже не нужна..." (62, р. 2). Разумеется, буржуазному философу совсем не обязательно быть знакомым с теорией марксизма-ленинизма и знать, что в третьей Программе КПСС и в других партийных документах, а прежде всего в трудах В.И. Ленина дается теоретическое обоснование объективной обусловленности руководящей и возрастающей роли партии на всех этапах строительства не только социализма, но и коммунизма.

Игнорируя наличие этой объективной обусловленности, антикоммунисты взяли на современном этапе под интеллигентный оборот идею повышения руководящей роли партии в жизни социалистических стран. Они пытаются утверждать, что в условиях научно-технической революции в этих странах полностью исключается необходимость любого партийного руководства. Советологи Э. Бжезинский, С. Хук и другие не останавливаются перед явной фальсификацией, заявляя, что деятельность КПСС стала тормозом общественного прогресса, что повышение ее руководящей роли в обществе свидетельствует якобы об усилении "диктатуры партии", а повышение роли идеологической работы партии приравнивают к "смирительной рубашке" на обществе. Буржуазные идеологи требуют "урезать", "ограничить" влияние марксистско-ленинских партий в социалистических странах (33, с. 26, 27, 31).

Следуя этим "рекомендациям" антикоммунистов и разделяя их, правые ревизионисты Р. Гароди, Э. Фивер, О. Шик, И. Свитах, И. Смирковский и другие не один раз пытались на практике ослабить подрывными средствами коммунистическую партию, добиться ограничения ее влияния на жизнь соци-

листоческих стран. Они рассматривают компартию всего лишь как одну из общественных организаций, которая ничем якобы не отличается от других политических, профсоюзных, культурных и прочих организаций, играет среди них не ведущую роль, а лишь роль одного из "равноправных партнеров". В связи с этим ревизионисты не скрывают своего негативного отношения к однопартийным системам в странах социализма, выступают исключительно за многопартийность, понимая ее однако не как боевой союз политических партий трудящихся во главе с партией рабочего класса в целях построения нового общества, а как "политический плюрализм" с постоянной борьбой оппозиционных сил, даже быть может враждебных социализму, за власть. Следовательно, ревизионисты защищают многопартийность типа "политического плюрализма", которая свойственна капиталистическому обществу. Вслед за антикоммунистами ревизионисты сознательно затушевывают порочные стороны концепции "политического плюрализма", стараются скрыть тот факт, что эта концепция искажает действительность, создает видимость исчезновения господства буржуазии в капиталистическом обществе (53, с.95).

Для ревизионистов концепция "политического плюрализма" стала знаменем борьбы против принципов социалистической демократии и руководящей роли марксистско-ленинской партии в социалистическом обществе. Именно эту цель преследует тезис Р.Гароди "о возможности построения социализма при сохранении множественности партий и общественных организаций" (34, с.104) на основе "политического плюрализма".

Ревизионисты стремятся доказать, что марксисты-ленинцы в любом случае выступают против многопартийности. В действительности это не так. В странах социализма успешно действуют как однопартийные, так и многопартийные системы, исторически сложившиеся в определенных условиях. "Однопартийная и многопартийная системы, - пишет в связи с этим М.Х. Фарукшин, - в социалистических странах - это

разные формы* проявления единой сущности социалистической власти - власти рабочего класса и других групп трудящихся под руководством марксистско-ленинской партии, отражение специфики конкретных политических систем..." (53, с.99).

В ряде социалистических стран наряду с партиями рабочего класса сохранились и успешно действуют партии не-пролетарских слоев трудящихся. Признавая социалистический путь развития, они сотрудничают с коммунистическими партиями, вместе с ними входят в народный (национальный) фронт, в правительственные органы. Эти партии - демократические партии - признают руководящую роль марксистско-ленинских партий в своих странах. "Демократические партии, - пишет П. Федосеев, - в данном случае выступают союзниками коммунистических партий, а не какой-то оппозиционной силы..." (54, с.4).

В Программе СЕПГ в связи с руководящей ролью СЕПГ в многопартийной системе ГДР говорится: "Одна из особенностей нашего государства состоит в том, что оно прочно опирается на испытанное сотрудничество партий, общественных организаций и всех общественных сил в Национальном фронте Демократической Германии. Развернутое строительство социализма также осуществляется совместными действиями партий и общественных организаций под руководством партии рабочего класса" (8, с.317). Так марксисты-ленинцы понимают многопартийность социалистического типа с обязательным признанием руководящей роли компартии в ней.

Именно против такого - социалистического типа многопартийности и выступают теоретики правого ревизионизма, советуя вводить в социалистических странах "политический плюрализм" различных партий, не понимая сути, специфики социалистических стран (5, с.276). Но попытки воз-

* Точнее было бы говорить не о разных формах, а о специфических особенностях народно-демократической формы диктатуры пролетариата.

рождения многопартийности там, где она утратила социальные корни, или же восстановления деятельности партий, враждебных социализму и коммунистическим партиям, — это явная контрреволюционность, направленная на подрыв социализма. Вот почему в Венгрии в период контрреволюционного путча 1956 года были пресечены попытки реставрации некоторых партий, которым организаторы путча отводили антисоциалистическую роль. В Отчетном докладе ЦК ВСРП VII съезду партии отмечалось: "В период контрреволюционного мятежа выяснилось, что в наших условиях многопартийная система лила воду на мельницу контрреволюции, поэтому мы ее отвергли" (7, с.24). В Чехословакии в 1968 году в конечном итоге не была допущена реставрация реформистской социал-демократической партии (правые силы пытались проделать некоторую предварительную работу по ее восстановлению). В ходе событий 1968 года выяснилось, что правые силы отводили ей роль конкурента компартии и политического лидера всех антисоциалистических группировок.

Известно также, что антисоциалистические силы стремились отрицать авангардную роль коммунистов в Югославии. В связи с этим И.Броз Тито подчеркнул на X съезде СКЮ, что "укрепление ведущей роли Союза коммунистов выдвигалось в качестве постоянной задачи на всех этапах революции. Антисоциалистические силы в противоположность этому стремились ослабить и обесценить ведущую роль рабочего класса, оспаривали авангардную роль Союза коммунистов... Разоблачение тех, кто оспаривал ведущую роль СКЮ, было важным условием мобилизации трудящихся на борьбу за дальнейшее развитие социалистической революции" (10).

Примером тяжелых последствий ревизии марксистско-ленинских идей о роли коммунистической партии в социалистическом обществе являются чехословацкие события 1968 года. В ходе этих событий главный удар праворевизионистских и антисоциалистических сил был направлен против КПЧ. Профессор В.Квеш (Чехословакия) отметил на теоретической конференции в Варшаве (1973 г.), что в Чехословакии еще до 1968 г. имели хождение ревизионистские концепции отрица-

ния руководящей роли партии (43, с.83). Ошибки, допущенные руководством ЦК КПЧ, привели к усилению правых ревизионистских сил. Показательной в этом отношении явилась "Программа действий", утвержденная апрельским (1968 г.) Пленумом ЦК КПЧ. "В ней, - указал в декабре 1970 г. Пленум ЦК КПЧ, - уже была отражена активизировавшаяся подрывная деятельность правых сил в партии" (9). Правые, пользуясь безнаказанностью, начали обстрел партии. В ЦК партии право вынесения решений было предоставлено ревизионистам Ч.Цисаржу и другим. Тогдашний член Президиума ЦК КПЧ Й.Смрковский выражал сомнение в правомочности ЦК, сеял ненависть к марксистскому большинству ЦК. Ревизионисты парализовали руководящий аппарат и актив партии (41).

Под воздействием ревизионистских и открыто контрреволюционных элементов в Чехословакии широко развернулась кампания клеветы на всю деятельность КПЧ, поднялась антисоциалистическая и антисоветская волна в печати, по радио и телевидению, стали возникать различные реакционные объединения и группы. Все это деморализовало широкие массы коммунистов и всех трудящихся, подрывало руководящую роль КПЧ, ставило под угрозу завоевания социализма в стране (22, с.6-15). Но у трудового народа и коммунистов Чехословакии нашлись силы при братской поддержке трудящихся других социалистических стран, чтобы дать отпор правым силам, укрепить руководящую роль КПЧ в системе политической организации общества.

К отрицанию руководящей роли партии в революционном преобразовании общества приводят по сути дела и позиции "левых" ревизионистов. Особенно это характерно для некоторых представителей ультралевацкого авантюризма. Так, Р.Дебре в брошюре "Революция в революции" отрицает необходимость руководящей роли партии в революционной борьбе против эксплуататорского строя. Он считает, исходя из неправильного толкования опыта кубинской революции, что "на этапе Восстания, хотя и необходимо наличие организации, можно обойтись без марксистско-ленинского авангарда, без партии рабочего класса" (52, с.154). Опровергая этот

ненаучный и фактически ошибочный вывод, английский марксист Дж. Уоддис указал на игнорирование Р. Дебре того, что в ходе "революции на Кубе существовала марксистско-ленинская партия рабочего класса, которая завоевывала все более широкую поддержку в Повстанческой армии особенно среди рабочих, и без этой поддержки вооруженная борьба могла не иметь успеха" (52, с.154).

Дискредитацией идей руководящей роли партии является маоистская практика, хотя пекинские руководители официально никогда эти идеи не отрицали. Даже более того. За последнее время в Китае стали говорить о необходимости повышения и усиления роли партии в общественно-политической жизни. X съезд КПК (август 1973 г.) провозгласил, что "партия должна руководить всем". Государственные органы, армия, профсоюзы и другие общественные организации "обязаны подчиняться единому руководству партии" (35). Сам факт провозглашения руководящей роли компартии можно было бы приветствовать, если бы речь шла о восстановлении руководящей роли партии, следующей принципам марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Фактически же в Китае вместо разгромленной КПК действует маоистская партия - инструмент военно-бюрократической группировки (35), внутри которой непрерывно ведется борьба за власть. В этих условиях разговоры о руководящей роли КПК потребовались для укрепления позиций группы Мао.

Если недавно еще в Китае подчеркивалась ведущая роль армии, то сейчас действует лозунг "партия должна командовать винтовкой". Но фактически, как и прежде, несмотря на то, что с политической арены устранена группа военных во главе с Линь Бяо, армия сохраняет прочные позиции на всех уровнях руководства страной. Без опоры на армию группа Мао обойтись не может. Военные возглавляют 20 из 29 парткомов основных провинций и крупнейших городов (17). Главное политическое управление утратило черты партийно-политического органа армии. Оно приобрело в стране позорную известность застенка, где избивают трудящихся, подающих жалобы на бесчинства военнослужащих (25).

Такова истинная действительность Китая. Более грубое искажение понимания вопроса о руководящей роли партии, чем маоистский "образец", трудно представить.

3. Против фальсификации
буржуазными политологами и ревизионистами
сущности и значения политики коммунистической
партии в жизни социалистического общества

Одним из факторов, определяющих историческую неизбежность и необходимость политического руководства социалистическим обществом со стороны марксистско-ленинской партии, является направляющая роль ее политики в развитии всех общественных сфер. Это означает, что политика партии, базирующаяся на марксистско-ленинской науке и учитывающая объективные закономерности общественного развития, играет роль компаса при определении основных стратегических направлений и задач, а также тактических методов и приемов строительства нового общества.

В.И. Ленин учил, что политика коммунистической партии "есть наука и искусство" (3, с. 65). Рассматривая политику как единство двух сторон - науки и искусства, В.И. Ленин подчеркивал недопустимость отрыва их друг от друга и тем более противопоставления друг другу. Глубокая научная обоснованность основных стратегических направлений и задач развития общества, тактических средств и приемов их выполнения, с одной стороны, а также высокое искусство, умение хорошо организовать практическое осуществление поставленных задач, с другой стороны, - вот две взаимосвязанные стороны процессов разработки и претворения в жизнь политики партии.

Правильная политика партии, одобряемая и поддерживаемая народом, является главным источником побед социализма. В основе партийной политики лежит научный и реалистический подход к делу, глубокое знание жизни, настроений и целей

трудящихся, опора партии на творческую активность и инициативу масс (45, с.84).

Идеологи капитализма и ревизионисты пытаются искажать сущность политики коммунистических партий, отрицая ее объективный и научный характер, их роль и значение в преобразовании общества. Современные буржуазные политологи — представители одного из течений буржуазной философии и социологии — пытаются отрицать объективный характер вообще любой политики и обосновать якобы свойственные ей черты случайности и надклассовости (65;67).

Американский политолог Р.Хилсмен считает, что политика не может иметь никакой объективной и классовой основы, а представляет собой отражение случайного сочетания фактов и действий. Он пишет: "Очень часто политика является лишь суммарным отражением отдельных или слабо взаимосвязанных фактов. В других случаях она представляет собой преходящий, даже внутренне противоречивый компромисс между конкурирующими целями или несовместимую мешанину альтернативных средств достижения одной цели" (59, р.5).

Антикоммунисты стремятся утверждать, что политика рабочего класса не должна опираться на идеологическую основу. Западногерманский политолог К.Кёпке отрицает какую-либо связь между политикой пролетариата и его мировоззрением. Он считает, что минуло время политики, подчиненной мировоззрению. Теперь якобы основа политики — этика, понятия "добро", "зло", "честность", "свобода" и т.п. (31, с.83), чем подчеркивается тщетность политической борьбы за переустройство общества.

Отрицая объективный характер любой политики, буржуазные политологи изображают в искаженном виде политику коммунистических партий социалистических стран, "выискивают" в ней черты произвола, "социальной эксплуатации" со стороны партийной "элиты" (47, с.136-137). Английский философ П.Вигор утверждает: "Партия основана Лениным как корпус элиты, такой она и осталась" (28, с.63).

Но о каком "элитном" составе КПСС, о какой "эксплуататорской" сущности политики партии может идти речь, если по социальному составу партия представляет собой передовой массовый отряд всех трудящихся, если ее политика отражает цели народа и является его провной политикой! По данным О.И.Коновалюка, партия Ленина уже вскоре после ее зарождения, в 1905 году, в своем составе имела 61,7 проц. рабочих. И на всех последующих этапах КПСС всегда состояла из представителей различных слоев трудящихся. По данным на 1972 год состав партии был следующим: рабочие - 40,5, колхозники - 14,8, служащие - 44,7 проц. При этом удельный вес коммунистов, занятых в сфере производства, превысил 73 проц., а занятых в органах управления, в аппарате партийных и общественных органов был в 1950 г. - 3 проц., в 1971 г. - 2 проц. (28, с.64). Рассуждения буржуазных идеологов о "элитном" составе партии, о "корпусе элиты" полностью опровергаются этими данными.

Фальсификаторскими средствами антикоммунисты стремятся умалить роль и значение политики коммунистической партии, подорвать доверие к ней со стороны трудящихся и единство партии с народом. Буржуазный ученый И.Азраэль (США) не скрывает надежды, что в результате подрыва этого монолитного единства партии с народом "появится вероятность утрылн советской политикой ее революционного характера" (32, с.34).

С попытками искажения роли, сущности и принципов политики марксистско-ленинских партий активно выступают правые ревизионисты. Они ведут атаки на научные основы политики партии, призывают компартии отказаться от единства политики с марксистской идеологией. Р.Гароди выступает против "механической" связи между философией и политической деятельностью, существующей, по его мнению, в жизни марксистско-ленинских партий, требует заменить ее "диалектической" связью, отбросить концепцию единства политики и философии (34, с.95). Эти рассуждения о замене "связей" нужны ревизионистам для того, чтобы подорвать научную обоснованность политики партии.

Огромное значение на всех этапах научного управления социалистического общества и прежде всего на этапе выработки и принятия управленческих решений имеют политические решения, которые воплощаются в директивах и других документах партийных съездов, пленумов ЦК и партийных органов. В партийно-политическом решении отражаются основные направления политики партии по тому или иному вопросу. Политические решения, играя направляющую роль в социальном управлении, должны быть научно обоснованными, исходить из конкретного изучения реальной действительности. Ревизионисты отрицают объективную обоснованность политических решений и считают, что политическое решение появляется в результате произвольных, ничем не обоснованных действий "сильнейших политических групп". Э.Фишер вообще отрицает историческую необходимость для социалистических стран политических решений, выявления и использования при выработке таких решений объективных закономерностей строительства социализма. Искажая политику КПСС на этапе строительства социализма, Фишер пытается доказать, что лежавшие в основе НЭПа и первых пятилетних планов партийно-политические решения "не были исторически необходимыми", да и вся политика КПСС этого периода якобы "это лишь выбор сильнейшими группами в СССР из возможных альтернатив" (18, с.85).

Искажение политики марксистско-ленинских партий, прялая клевета на нее - это повседневный метод ревизионистов. Не один раз Р.Гароди, И.Сирковский, Ф.Марек, Э.Фишер и другие ревизионисты заявляли, что политика индустриализации в СССР означала насилие над личностью, что на современном этапе экономика стран социализма сильно пошатнулась. Группа венских ревизионистов в своих изданиях (при участии Э.Фишера) клеветала на всю политику и генеральную линию СЕПГ (55, с.132).

Современные ревизионисты понимают процесс расширения и углубления социалистической демократии как полное обособление органов государственного управления от политико-направляющего влияния партии, как утверждение "независимости" государственной политики от политики партии. Требуя

ототранения рабочего класса и его партии от руководства социалистическим обществом, ревизионисты противопоставляют центральные партийные органы высшим органам государства и считают, что формирование государственной политики должно проходить независимо от политики партии и безотносительно к ее политическим решениям (51, с.25). Можно сказать, что это уже давно известная концепция. Именно такая точка зрения активно проводилась ревизионистами в Чехословакии в 1968 году и нанесла огромный вред социалистическому строительству.

Авантюристическими являются и взгляды маоистов на вопрос о месте и роли политики партии, методы ее выработки и осуществления. Характерен маоистский тезис "политика - командная сила". Пекинские руководители считают, что идеологическая и политическая работа всегда является командной силой. Отсюда пренебрежение к методам убеждения и недооценка материальной заинтересованности трудящихся в количестве и качестве труда, невнимание к методам морального и материального стимулирования, к законам и методам социалистического хозяйствования. Отсюда и насаждение военно-бюрократических методов управления страной, массового насилия над китайским народом.

Военно-бюрократические методы находят распространение на трипартийную жизнь КПК, на разработку и осуществление ее политики. Практически руководящие органы КПК лишены своего основного права - коллегиально определять политику партии. Чжоу Энь-лай заявил на X съезде КПК, что Мао Цзе-дун разработал для КПК "основную линию и политику на весь исторический этап социализма и определил специфические линии и политические установки для конкретной работы" (35). После этого всем партийным органам и всему народу Китая ничего другого не остается, как безропотно осуществлять эту политику "великого кормчего" и даже конкретную работу на местах вести только по "специфическим линиям", раз и навсегда "определенных" Мао.

Маоисты совместно с правыми ревизионистами и антикоммунистами клеветают на ленинскую политику мирного совме-

ствования, успешно проводимую странами социализма, стремятся сорвать те достижения, которых добился СССР в области разрядки международной напряженности.

Задачи дальнейшего упрочения и развития мировой системы социализма, успешно осуществляемые под руководством марксистско-ленинских партий, требуют всемерного усиления борьбы против антикоммунизма и ревизионизма, против всех врагов социализма, пытающихся подорвать влияние компартий и отбросить социалистические страны назад.

Литература и источники

1. Ленин В.И. X съезд РКП(б). Полн. собр. соч., т.43.
2. Ленин В.И. Государство и революция. Полн. собр. сочин., т.33.
3. Ленин В.И. Детская болезнь "левизны" в коммунизме. Полн. собр. соч., т.41.
4. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти. Полн. собр. соч., т.36.
5. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1970.
6. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971.
7. VII съезд ВСРП. М., 1960.
8. VI съезд СЕПГ. М., 1963.
9. Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ. Документ, принятый декабрьским (1970 г.) Пленумом ЦК КПЧ - "Правда", 1971, 15 января.
10. На X съезде СКЮ. Доклад И.Броз Тито. - "Правда", 1974, 28 мая.
11. Пленум ЦК КП Латвии. Идеологическую работу - на уровень современным требованиям. - "Советская Латвия", 1973, 1 ноября.
12. Суслов М.А. Марксизм-ленинизм - интернациональное учение рабочего класса. М., 1973.
13. Стучка П. Пять месяцев социалистической Советской Латвии. Сборник статей и заметок, часть I, 1919.
14. Азаров Н.И. В.И. Ленин о политике как общественном явлении. М., 1971.
15. Александров В.С. Историческая миссия рабочего класса как ведущей силы мирового революционного процесса. - "Научный коммунизм", 1973, № 1.
16. Александров В.С. У истоков партии научного коммунизма. - "Научный коммунизм", 1973, № 3.
17. Александров И. О некоторых тактических особенностях нынешней политики пекинского руководства. - "Правда", 1972, 5 сентября.
18. Василевские Е.В. Извращение Эрнстом Фишером марксистско-ленинского понимания сущности человека. -

- "Научный коммунизм", 1973, № 4.
19. Вишняков А.С. Исторический материализм и политика КПСС. М., 1971.
 20. Гейден Г. Фiasco ревизионизма. - "Вопросы Философии", 1974, № 3.
 21. Дискредитация принципов марксизма-ленинизма. - "Правда", 1973, 7 мая.
 22. Защита социализма -высший интернациональный долг. М., 1968.
 23. Зеленцова Т.А. Критика ревизионистских извращений марксистско-ленинского учения о партии. - "Научный коммунизм", 1973, № 3.
 24. Иовчук М. Современные проблемы идеологической борьбы, развития социалистической идеологии и культуры. - "Коммунист", 1971, № 15.
 25. Колосков Б. О чем рассказывают дацзыбао. - "Правда", 1974, 7 мая.
 26. Коммунистическая партия в политической системе социалистического общества. М., 1974.
 27. КПСС - политический авангард советского народа. М., 1971.
 28. Коновалюк О.И. Разоблачение антимарксистских концепций классовых отношений в СССР. - "Научный коммунизм", 1973, № 2.
 29. Критика буржуазных концепций истории и политики КПСС. Ленинград, 1974.
 30. К событиям в Чехословакии. Факты, документы, свидетельства прессы и очевидцев. Вып. I, М., 1968.
 31. Ляан Э. Политика социал-демократии: взгляд "изнутри". - "Проблемы мира и социализма", 1973, № 9.
 32. Модржинская Е.Д. Торжество марксизма-ленинизма и современная идеологическая борьба. - В кн.: Против буржуазных фальсификаторов истории и политики КПСС. М., 1970.
 33. Молибощко В.А. Против буржуазной фальсификации роли КПСС в коммунистическом строительстве. М., 1972.
 34. Научный коммунизм и фальсификация его ренегатами. М., 1972.
 35. О X съезде КПК. - "Правда", 1973, 10 октября.
 36. Осинцева Л.Г., Олейник Б.И. Несостоятельность попыток отождествить марксистско-ленинское учение с религией. М., 1973.
 37. Осипов В. Какие проблемы занимают "Problems of Communism". - "Проблемы мира и социализма", 1973, № 1.
 38. Партия - организатор коммунистического строительства. Ленинград, 1973.
 39. Партия и рабочий класс в условиях строительства коммунизма. М., 1973.
 40. Партия и строительство нового общества. - "Проблемы мира и социализма", 1970, № 8.
 41. Почему Александр Дубчек был исключен из рядов КПЧ. - "Литературная газета", 1970, 22 июля (пере-

- печ. из "Руде право")
42. Проблемы теории и практики современного социализма. Прага, 1973.
 43. Рабочий класс и его партия в современном социалистическом обществе. Прага, 1973.
 44. Развитие социалистическое общество: сущность, критерии зрелости, критика ревизионистских концепций. М., 1973.
 45. Родионов П. Сила ленинского учения о партии. - "Проблемы мира и социализма", 1973, № 10.
 46. Свечников П.В. В.И. Ленин об идеологических основах коммунистической партии и современная идеологическая борьба. М., 1973.
 47. Сентебов Л.С. Антикоммунист в одежде социалиста. - "Научный коммунизм", 1973, № 2.
 48. Сила организованная и организующая. - "Проблемы мира и социализма", 1972, № 9.
 49. Справочник партийного работника, вып. 9, М., 1969.
 50. Титаренко С.Л. Против буржуазной фальсификации истории и политики КПСС. М., 1972.
 51. Топорнин Б.Н. Ленинские идеи о руководстве коммунистической партии социалистическим государством и современность". - "Вопросы истории КПСС" 1971, № 1.
 52. Уоддис Дж. Новые теории революции. Лондон, 1972 (рецензия). - "Научный коммунизм", 1974, № 1.
 53. Фарукшин М.Х. Критика антикоммунистической концепции "политического плюрализма". - "Научный коммунизм", 1974, № 2.
 54. Федосеев П. КПСС - авангард Советского народа. - "Проблемы мира и социализма", 1971, № 3.
 55. Фогелер Я.Г. Борьба австрийских и немецких коммунистов против идеологии правого ревизиониста Эрнста Фишера. - "Философские науки", 1970, № 3.
 56. Brzezinski Z. Ideologi and Power in Soviet Politics. New York, 1962.
 57. Brzezinski Z. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. New York, 1970.
 58. Heer N.W. Politics and History in the Soviet Union. Cambridge - London, 1971.
 59. Hulsman Roger. The Politics of Policy Making and Defence and Foreign Affairs. New York, 1971.
 60. Lipset S.M. Political Man. New York, 1963.
 61. Meyer A. Leninism. Cambridge, Massachusetts, 1957.
 62. Scott J. The Soviet world. Chicago, 1966.
 63. Schapiro L. The Communist Party of the Soviet Union. London, 1970.
 64. Fetscher I. Karl Marx und der Marxismus. Munchen 1967.
 65. Hirsh-Weber W. Politik als Interessen - konflikt. Stuttgart, 1969.
 66. Klaus G. Kybernetik - eine neue Universalphilosophie der Gesellschaft? Berlin, 1973.
 67. Fromm E. Politik und moral. Berlin, 1970.

О. СКУДРА

ТЕОРИЯ "КРИТИКИ ИДЕОЛОГИИ" В РАБОТАХ
БУРЖУАЗНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ ФРГ

В конце шестидесятых годов резко обострилась идеологическая борьба вокруг вопросов, связанных с молодежью и молодежным движением в капиталистических странах. Это вызвано не только происходящими в мире демографическими процессами, но и последствиями происходящей в развитых капиталистических странах научно-технической революцией, которая привела к социальным и духовным преобразованиям общества, а также к все более широкому участию трудящейся молодежи в революционной борьбе.

В последние годы наблюдается процесс омоложения рабочего класса, идет быстрый количественный рост трудящейся молодежи. В наши дни основными группами молодежи капиталистических стран являются студенты и трудящаяся молодежь. Все большее число дипломированных специалистов приближается к рабочему классу. "В настоящее время в основных капиталистических странах более 80% интеллигенции являются наемными работниками" /Т.с.12/. В капиталистических государствах свое отражение эти явления получили и в системе образования, политическое значение которой для буржуазии резко возросло.

Характерным в этом отношении является внутривнутриполитическое развитие ФРГ. В ней, также как и в других капиталистических странах, во второй половине 60-х годов достоянием сознания широких масс стали не только выше упомянутые факты, но и четко проявившееся противоречие между развитием техники и социальными условиями ее применения. Это привело к кризису сознания, который вылился в "бунт" молодежи и активную "идеологизацию" таких слоев общества

как научно-техническая и инженерно-техническая интеллигенция, студенты, деятели культуры и искусства. В этих условиях, как сказал на Международном совещании коммунистических и рабочих партий товарищ Л.И. Брежнев, "империализм не может рассчитывать на успех, открыто провозглашая свои действительные цели. Он вынужден создавать целую систему идеологических мифов, затуманивающих подлинный смысл его намерений..." /2, с. 78/. Особое внимание при этом уделяется идеологической обработке молодежи. Как в одной из дискуссий в бундестаге в феврале 1974 года выразился федеральный министр Эмке, западногерманская буржуазия будет вести "борьбу за каждого молодого гражданина в этом государстве" /3, с. 6 /. С начала семидесятых годов ускоренными темпами ведется усовершенствование идеологических каналов регулирования сознания индивидов и общественных настроений, которые "в современном мире нередко гораздо более действенны, чем методы, получившие наименование прямого, непосредственного управляющего воздействия" /4, с. 74/. Одним из каналов идеологического воздействия на молодежь является политическое образование или политическое воспитание западногерманских учащихся и студентов. "Политическое воспитание" в качестве обязательного предмета вводится во всех школах" /5, с. 79/. Под политическим образованием в школах обычно понимают такие предметы как история, география и социальное учение или обществоведение. Буржуазные специалисты политического образования уделяют большое внимание повышению эффективности политического образования. Начиная с весны 1970 года переиздаются школьные учебники по истории и обществоведению, содержание которых пополняется новейшими идеологическими концепциями в соответственной дидактической обработке. Эту деятельность в масштабах всей ФРГ координирует Федеральный центр политического образования /ФЦПО/;

который непосредственно подчинен министру внутренних дел. В своей идеологической работе среди молодежи ФЦПО старается использовать новейшие теории созданные буржуазными учеными.

Одной из самых современных ненаучных трактовок идеологии, которую всячески популяризует ФЦПО, является так называемая "критика идеологии" /Ideologiekritik /. Профессор политических наук Геттингенского университета Эрнст-Август Ролофф считает, что "триа основными опорами политической педагогики являются ... андиз господства, учение о принятии решений и критика идеологии" /6, S.20/. Популяризация теории "критики идеологии", также как и других, в основном ведется при помощи еженедельника крупной буржуазии "Das Parlament.", который издается ФЦПО, и который часто выступает с концепциями и программами по идеологическим вопросам. Мы склонны считать, что теория "критики идеологии" со временем займет место теории "деидеологизации", которая не соответствует новой ситуации и не может эффективно применяться как орудие идеологической борьбы против возрастающего влияния идей марксизма-ленинизма.

Автор данной статьи выдвинул себе следующие задачи: показать классовую сущность теории "критики идеологии" и ее теоретические истоки; дать критику основных положений педагогического варианта теории "критики идеологии", который изложен в статье буржуазного специалиста политического образования Петера Вэйбреннера опубликованной в приложении "Das Parlament " под названием "Об идеологической критике средств обучения и изучения экономики и социального учения".

Мы считаем, что период становления теории "критики идеологии" исторически можно отнести к концу пятидесятых и началу шестидесятых годов: У "колыбели" этой теории стояли такие западногерманские буржуазные философы как Г.Пихт, Т. Адорно, Ф. Хабермас, Т. Гейгер и частично также

Г.-Г.Гадамер. Следует отметить, что Г.Пихт с 1966 года по 1965 год являлся членом Немецкой комиссии по вопросам системы образования и воспитания, а в настоящее время он является в земле Ваден-Вюртемберг членом совета по планированию образования при министерстве по делам культа.

В наши дни самыми активными сторонниками этой теории являются такие буржуазные ученые как Г.И. Гигел, К.-О. Апел, Э. Топич, Г. Альберт, Э.-А. Ролофф и П. Вэйнбрэннер. Так, например, для Апела, как об этом в своей книге "Разложение философии. Полифика немецких философов" пишет западногерманский буржуазный публицист К. Гросснер, "критика идеологии" является "психоанализом" человеческой социальной истории и "психотерапией" актуальных кризисов человеческой деятельности" /7, с.279/. Как мы в этом убедимся в дальнейшем, терминология фрейдизма употребляется не случайно.

Статья П. Вэйнбрэннера появилась в связи с одним проектом ФЦПО. Была создана рабочая группа из ученых и дидактиков, которая, по заказу ФЦПО, должна была подготовить дидактические материалы к теме "деньги и валюта". П. Вэйнбрэннер, как участник этой группы, написал статью, которая имеет три главы. Первая посвящена таким вопросам как понятие идеологии, история возникновения "проблемы идеологии" и "научно-теоретическим аспектам" идеологии, которые рассматриваются с точки зрения философии позитивизма и "марксизма". Вторая глава посвящена созданию системы "аналитических категорий критики идеологии" и разработке "стратегии раскрытия идеологий". В последней главе дается анализ примеров идеологической аргументации из учебных материалов по теме "деньги и валюта".

Если первая глава в основном компиляторство, то во второй и третьей главах П. Вэйнбрэннер больше излагает свои взгляды. Основной научный авторитет для П. Вэйнбрэн-

нера представляют такие буржуазные философы и социологи, сторонники философии позитивизма, как Т. Гейгер, В. Гофман, Э. Топич, Г. Альберт, К. Ленк, К. Мангейм и другие.

Эти буржуазные ученые, естественно, за исключением К. Мангейма, также как и большинство других, анализируя западногерманское общество и ее духовную жизнь, исходят из положений теории "индустриального общества", которая в ФРГ приобрела полуофициальный статус. Так, например, в таком официальном программном документе ФРГ как "Немецкий совет образования: Структурный план для системы образования" говорится, что "существование индустриального общества зависит как от состояния естественных наук и техники, так и от дальнейшего развития общественных наук" /5, с.79/.

То, что теория "индустриального общества" стала главной составной частью идеологии правящих кругов ФРГ, в большей мере определяет выбор тех методов, при помощи которых ведется борьба против идеологии марксизма-ленинизма. В основе этой теории находится "принципиально ложный исторический подход к социализму, как к ранней, неразвитой форме "индустриального общества" /8, с. 152/.

Например, буржуазный специалист политического образования В. Стрелевиц пишет, что экономический строй на Западе и Востоке при помощи "таких слов как социализм и коммунизм можно охарактеризовать только искаженно. Скорее всего, здесь идет речь о двух вариациях индустриального общества" /9, с.8 /. Теорию "индустриального общества" в своих изданиях очень активно популяризует и ФЦПО.

В дальнейшем проанализируем взгляды тех буржуазных ученых, на мысли которых в основном опирается П. Вайнбрэннер, т.е., Г. Альберта, Э. Топича, В. Гофмана, Т. Гейгера и К. Мангейма, а также остановимся, в порядке сравнения и дополнения, на взглядах О. Лэмберга, В. Вара, Г. Пихта, И. Рашке и К. Шюца.

Виднейшими из этих буржуазных ученых являются К. Мангейм и последователь философа-позитивиста К.Р. Поппера - Ганс Альберт. В школьные годы Г. Альберт был последователем взглядов немецкого буржуазного философа О. Шпенглера, до 1937 года был членом гитлерюгенда. В 18 лет стал солдатом, служил в танковых войсках Вермахта, имел звание оберлейтенанта. После войны изучал экономику в Кельне. С самого начала научной деятельности занимается вопросами идеологии. С 1963 года работает в Мангейме, преподает методологию социальных наук.

В настоящее время Альберт является "одним из ведущих" теоретиков либерализма" /7, с. 33/ в Западной Германии. Его взгляды "служат философской основой реформистской политики правых вождей западногерманской социал-демократии" /10, с. 32/. Единственно научным методом познания Альберт считает эмпирический "метод естественных наук", который применим "во всех областях науки" /7, с. 34/. По его мнению "отдельный факт вполне поддается научному описанию, не содержащему субъективной оценки; Оценка какого-то социального порядка, ... это вопрос моего личного пристрастия, моего решения. Такое решение невозможно выводить научным путем" /7, с. 35/. Такой подход означает, что общественное бытие признается по существу непознаваемым, "Только при помощи попытки и заблуждения можно приблизиться к истине, не достигая однако уверенности в этом" /7, с. 35/. Понятия "попытка" и "заблуждение" Г. Альберт позаимствовал у своего духовного отца - К. Поппера. Из философских взглядов Альберта следует, что "в развитых индустриальных обществах революции являются ненужными" /7, с. 37/. Капиталистическое общество нуждается всего лишь в "постепенном улучшении", т.е., "одна общественная реформа должна сменятся другой" /7, с. 36/.

На этой мировоззренческой основе Альберт создал свою теорию "критики идеологии", которую использует и П. Вейнбраннер. Практическое применение теории "критики идеологии", по

мнению Альберта, должно преследовать следующие четыре цели. Во-первых, "критика идеологии должна способствовать изменению определенных предрассудков, особенно таких предрассудков, которые социально и политически очень действительны" /II, S. 8/. В этом вопросе очень близки позиции Г. Альберта и Г. Пихта. Г. Пихт выдвигает своей философии "критическую задачу" - "разрушать такие образы мышления, которые мешают нам понять и осознать мир и нашу ситуацию в мире" /7, S. 217/.

Что это за "предрассудки" и "образы мышления"? Сотрудник западноберлинского института им. О. Зура И. Рашке, который занимается "изучением" ГДР, в своей статье "Партии, программы и деидеологизация" пишет, что "научная дискуссия о деидеологизации" почти всегда посвящалась "описанию разложения марксистско-социалистических программ в западных странах" /12, S. 18/, т.е., отысканию более эффективных методов борьбы с идеологией марксизма-ленинизма. На это косвенно указывают и следующие три абстрактно сформулированные положительные задачи "критики идеологии" Г. Альберта. Его "критика" должна влиять на "образования социального сознания и ... общественного мнения", воспитывать членов западногерманского общества в духе "рационального поведения при решении проблем" и "повысить иммунитет членов общества против несущественных видов аргументации и одновременно сделать их восприимчивыми к настоящей и существенной критике" /II, S. 8 /.

П. Вэйнбрэннер называет эти задачи "программатикой критики идеологии", которую, при помощи соответствующих "дидактических категорий", следует проводить в жизнь и в западногерманских школах.

Здесь мы подходим к вопросу о субъекте "критики идеологии". П. Вэйнбрэннер считает, что эту роль могут выполнять ученые, а также все остальные члены общества, которые научились мыслить "по-научному", т.е. освоили теорию "крити-

ки идеологии".

В этой связи большое внимание в работах буржуазных специалистов политического образования уделяется отношениям науки и идеологии. П. Вейнбрэннер, также как и большинство других авторов, в этом вопросе основывается на взглядах немецкого буржуазного социолога К. Мангейма, который активно действовал во время существования Веймарской республики. Видный буржуазный специалист политического образования О. Ламберг пишет, что в области "социологии знания" исходный пункт все еще образуют" /ИЗ, с.99 /взгляды Карла Мангейма.

Конечно, во взгляды К. Мангейма вносятся соответствующие изменения. К. Мангейм, как известно, является основоположником буржуазной теории о несовместимости науки и идеологии. Свое учение он назвал "социологией знания", основываясь на позаимствованной у К. Маркса идее о социальной обусловленности знания. Но, рассматривая сознание общественных групп и классов оторванно от их общественного бытия, он под этой обусловленностью понимает только ее зависимость от духовной жизни общества, субъективной стороны интереса. Все социальное знание К. Мангейм считает субъективным, искаженным. Следовательно, как сознание правящих классов /"идеология"/, так и сознание угнетенных классов /"утопия"/, в том числе марксизм, К. Мангейм считает ложным сознанием. Миссию открывателя объективной истины, по его мнению, может выполнять только один социальный слой - интеллигенция, которая стоит "над классами". К. Мангейм не понимает роли интеллигенции в капиталистическом обществе, не видел, что интеллигенция как социальный слой в этом обществе зависит от буржуазии и служит ей. Взгляды К. Мангейма отражают настроения либеральной буржуазии того времени, которая боялась "революционного столкновения с рабочим классом и стремилась перенести классовую борьбу в область теории, в область примирения противоположных идеологий"/И4, с.60/.

Идею К. Мангейма о несовместимости науки и идеологии переняли и другие специалисты политического образования ФРГ, в том числе О. Лэмберг, который специализировался по вопросам идеологии. Он пишет, что "первоначальной функцией любой науки" является "контроль идеологии" /13, S.90 /. С этих позиций О. Лэмберг критикует классовую позицию ученых социалистических стран, возмущается их "приказанной партийностью" и требует установить "контроль над идеологией" /13, S.83/. Он, как идеолог буржуазии, не желает и не может признать научный характер марксистско-ленинской идеологии.

Что же касается ученых ФРГ, то оказывается, что "идеологический характер собственной картины мира, совокупности норм и ценностей трудно осознать" /13, S.78/. Поэтому, Лэмберг рекомендует специалистам политического образования заняться идеологией "временно или пространственно отдаленных обществ", например, "марксизмом-ленинизмом" /13, S.78 /. Таким образом он пытается отвлечь внимание молодежи от критики буржуазной идеологии.

Так как у абсолютного большинства учащихся нет возможности ознакомиться с объективной информацией о странах социализма и с теорией марксизма-ленинизма и, следовательно, нет возможности сравнивать, он надеется таким образом укрепить существующие антикоммунистические предрассудки и одновременно усилить влияние буржуазной идеологии. Следует отметить, что буржуазные ученые несмотря на "критику идеологии" вынуждены признать, что вообще отказаться от теоретического осмысления жизни общества нельзя. Один из теоретиков СДПГ, Клаус Шюц, по этому поводу писал: "Деидеологизация ни в каком случае не должна означать того, что некоторые сегодня хотели бы под этим понимать: Отказ от любой теории" /15, S.428 /. И не все они рассматривают идеологию как что-то негативное. Все тот же О. Лэмберг на основе "сравнительного" анализа различных идеологий пришел к выводу, что для всех идеологий "обязателен" трехстадийный

или, как он выражается, "идеально-типичный" процесс развития, который подразделяется следующим образом: "период революционной борьбы до завоевания власти, укрепление и расширение только что обретенной власти, фаза деидеологизации, упадка, который одновременно означает рождение новой идеологии" /8, с. 154/. Подобный, только абстрактно теоретический подход к анализу идеологии как к самосознанию класса или больших социальных групп, вообще типичен для буржуазных ученых. В этом мы убедимся и в дальнейшем.

Буржуазные теоретики отказываются от конкретно-исторического анализа идеологий, так как он во многом закрывает путь к абстрактно-теоретическим спекуляциям по отношению к идеологии марксизма-ленинизма. Отказ от такого анализа облегчает буржуазным ученым выполнение их главной задачи - завуалировать классовый характер буржуазной идеологии. При наличии такого подхода О. Лэмберг считает, что "идеологии являются силами образования /Bildungsmächte / первостепенной значимости" /13, S.52 /. На "позитивное" значение "идеологических систем" указывает и доцент политических наук педагогического вуза в Карсруэ Вольфганг Бэр. Он считает существующую в буржуазном обществе "идеологическую систему" "решающим фактором идейной интеграции" /16, S.34 / всего общества. Но оба они сторонники взгляда на принципиальную противоположность науки и идеологии.

Такой же точки зрения по этим вопросам придерживаются Э.Топич, В.Гофман, Т. Гейгер. В теории познания Топич является последователем Г. Альберта, выдвигая критерием научности эмпирическую проверяемость теорий. Топич утверждает, что "проверяемость и опытное подтверждение представляют, ..., масштаб для определения ценности научного предположения" /17, с.47/. Он называет идеологиями "полуистинные, неистинные или неполные образы мыслей ..., которые относятся к по-

положению социальных вещей и сводятся к предвзятости их носителей, которая порождена их общественным положением" /11, S.4/. При том носители этих "идеологий" должны быть "субъективно искренне убеждены" /11, S.12 / в "правильности, истинности" этих идеологий.

Как мы видим, Э. Топич, так же как и Г. Альберт, старается создать видимость "объективного", "научного" подхода к анализу идеологии.

Таким же образом поступает В. Гофман. По его мнению носителями идеологий и идеологами являются "не подчиненные господству, а в данное время господствующие части общества" /11, S.11 /. Таким образом ставится знак равенства между всеми существовавшими и существующими общественными формациями и, в какой-то мере, между всеми идеологиями. Косвенно преподносится мысль о том, что и в социалистическом обществе сохранились "господствующие" и "подчиненные", а между ними - антагонистические противоречия. Таким путем создается соответствующий психологический настрой для дальнейшей идеологической обработки. Объяснить сущность идеологии, как составной части общественного сознания, В. Гофман не может. Он считает, что идеологии вообще "всегда недоступны основам разума" /11, S.13 /, для "господствующих частей общества" они являются чем-то "безличным", "своего рода общественным инстинктом самосохранения" /11, S.13 /. Вспомним фрейдистскую терминологию К.-О. Апеля! Мысль Гофмана о иррациональной природе идеологий перенял и П. Вэйнбреннер.

Т. Гейгер является одним из виднейших специалистов по вопросам идеологии среди философов-позитивистов. Носителями идеологии, по мнению Гейгера, являются "отдельные познающие и высказывающие суждения субъекты" /11, S.7 /. Идеологическими являются такие высказывания, которые "в силу их вида и объекта недоступны эмпирическому опровержению или доказательству их истинности" /11, S.7 /. "Освободиться" от влияния идеологии можно только при помощи "интеллектуально-го скептицизма чувств и самоконтроля" /11, S.7 /.

На примере Т. Гейгера мы видим, насколько беспомощны представители идеалистической философии при объяснен и надстроечных явлений буржуазного общества. Буржуазные ученые отрицают, что сознание всегда есть общественное сознание, не различают различных уровней общественного сознания, часто смешивают социальную психологию и обыденное сознание с идеологией. У них нет и не может быть строгой системы категорий для анализа проблем, связанных с идеологией. В начале своей статьи П. Вэйлбрэннер вполне справедливо отмечает, что буржуазное "научное учение об идеологии все еще находится в стадии зарождения" /11, с.3/.

В то же время, несмотря на внешнюю пестроту, для всех различных определений идеологии, данных буржуазными теоретиками, характерной чертой является общность основополагающих принципов их авторов.

Во - первых, буржуазные ученые стараются создать видимость "объективного", "беспартийного" подхода. Во - вторых, утверждается, что объективной может быть только наука, а идеология субъективна, основана на ценностных суждениях определенных общественных групп. Главной функцией идеологии, по их мнению, является оправдание и сохранение существующего общественного порядка, который выгоден для узких социальных слоев. Это определение идеологии, которое в принципе верно по отношению к буржуазной идеологии, буржуазные ученые ошибочно относят и к идеологии марксизма-ленинизма.

В - третьих, часть буржуазных теоретиков утверждает, что идеология - это неизбежное зло. Другие, в свою очередь, считают, что "идеология была необходима для малоразвитых обществ, но в "индустриальном обществе" она становится ненужной"/14, с.58/. Г. Альберт в качестве примера малоразвитой, только что на путь "индустриализации" ставшей страны, называет Грецию, так как "именно в ранней стадии индустриализации возникают такие проблемы как сегодня в Греции" /7, с.195/. Таким образом, фашистский режим в Греции признается "объективной необходимостью". Развитие научно-тех-

нической революции в развитых капиталистических странах и связанное с этим обострение политической и идеологической борьбы между буржуазией и пролетариатом, доказывают ошибочность метафизического подхода Г. Альберта к анализу идеологии.

Подобного рода подход наблюдается и у П. Вэйбреннера. В первой главе статьи, которую мы уже упомянули, он рассматривает определения идеологии, данные Т. Гейгером, В. Гофманом и Э. Топичем. Проанализировав эти определения Вэйбреннер заключает, что они, в также множество других определенных идеологии, имеют следующие три общие для всех составные части: во-первых, во всех определениях идеологии признается "принципиальная возможность объективного познания" /11, S.4 /, а идеологии характеризуются как подделка и завуалирование "действительности познания" / Erkenntniswirklichkeit /.

Во-вторых, всем идеологиям присущ "оправдательный характер" /Rechtfertigungscharakter/, так как "идеологии служат для сохранения существующих отношений власти и господства или для оправдания возможных в будущем" /11, S.6-7 /. Это определение одной из функций буржуазной идеологии Вэйбреннер называет "аналитической категорией" для "критики идеологии" /любое/, так как идеологии вообще характерны "для обществ, организованных по принципу господства" /11, S.4 /.

В-третьих, все идеологии связаны с такими взглядами на действительность, которые с этой действительностью "частично не совпадают". Любому высказыванию идеологического характера, следовательно, типично отставание от уже достигнутого понимания или, как это формулировал В. Гофман, "исторический регресс мысли" /11, S.5 /. Установив эту общность различных определений идеологии Вэйбреннер останавливается. Своего определения он не дает, но нет и примера такой идеологии, которая бы соответствовала хотя бы косвенно данному определению. Вместо этого Вэйбреннер предлагает свою "систему аналитических категорий критики идеологии". Этой "системе" посвящена вся вторая глава его статьи. Выработывая "катего-

рии", он пытается не только соединить "познавательную теоретическую" /Г.Альберт, Т.Гейгер/ и "социологическую" /В.Гофман/ "критику идеологии", но и примирить в вопросе идеологии философию позитивизма с философией марксизма.

С этой целью Вейнбрэннер обращается к работе К. Маркса и Ф. Энгельса "Немецкая идеология". Таким образом подчеркивается якобы беспартийный, объективный подход. Взгляды К. Маркса Вейнбрэннер не понял или не хотел понять. Так, например, для него надстройка - это "объективный дух", а социальное сознание - "субъективный дух", а оба вместе взятые они образуют "идеологию", т.е. он старался "перевести" Маркса на язык идеалистической философии. По мнению Вейнбрэннера, главная заслуга К. Маркса состоит в "соединении учения о идеологии с теорией о классах" /11, S.9/. Это и есть следующая "аналитическая категория", притом "решающая" для любой "критики идеологии". Далее он признает, что "не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание" /11, S.9 /, что в капиталистическом обществе "капиталисты вообще не могут по-другому думать" /11, S.13 /, так как капиталист "связан своей классовой принадлежностью и запутан в ее интересах" /11, S.13/.

Вейнбрэннер, признавая социальную обусловленность идеологии в буржуазном обществе, и даже существование классов в этом обществе, не признает существования идеологии классов и борьбу между ними. Но К. Маркс рассматривал все вопросы жизни буржуазного общества именно с точки зрения классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Это невыгодно Вейнбрэннеру и он создает свой, буржуазно-либеральный "марксизм". Такой подход к марксизму со стороны буржуазных ученых не нов и используется ими уже давно. Что касается взглядов самого К. Маркса, то он в письме И. Вейдемейеру указывал: "То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1/ что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2/ что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3/

что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов" /18, с.63/.

Именно с этих позиций и следует оценивать взгляды К.Маркса на духовную жизнь буржуазного общества в целом и на идеологию в частности. Проанализировав взгляды "исправленного" Маркса, Вэйнбрэннер приходит к выводу, что "критика идеологии не означает отвержение любой позиции как принципиально идеологической, а открытие источника идеологии, анализируя классовое положение продуцента и адресата идеологии" /11, S.9 /.

Как уже отмечалось, Вэйнбрэннер утверждает, что существуют так называемые "партикулярные" /К. Мангейм/ идеологии. Он пишет: "Высказывания, которые служат достижению, обеспечиванию и расширению материальных позиций господстве в обществе: при анализе общественного положения продуцента идеологии, как правило, оказываются идеологиями профессий, сословий или союзов" /11, S.12 /. Так, например, "существуют" "идеологии" врачей, юристов, учителей, священников, чиновников, промышленников и другие тому подобные. Следовательно, нет единой идеологии "господствующих", а лежащие в основе отдельных идеологических высказываний интересы обладают различной всеобщностью" /11, S.12 /. Этот принцип составляет сущность следующего "аналитического инструмента" или категории. Из этого принципа логически вытекает вывод, что "не существует" идеология рабочего класса, но одновременно из этого вытекает и другой вывод, что "не существует и идеологии буржуазии". Это означает, что нет необходимости критиковать буржуазную идеологию.

Следует отметить, что Вэйнбрэннер в своей статье не анализирует какую-то идеологию /как определенную систему взглядов/ в целом, а в качестве примеров использует отдельные высказывания. В таком подходе ярко проявляется столь характерные для философского идеализма односторонность, субъективизм и субъективная слепота. Каждое высказывание отдельно должно анализироваться с нескольких точек зрения,

т.е., в логическом и "познательно теоретическом" отношениях, а также с точки зрения "общественного контекста" /социологический анализ/, в котором находится это высказывание.

Для анализа отдельных высказываний Вайнбрэннер создал специальную схему, которая состоит из следующих частей: "производитель идеологии", "идеологическое высказывание", "адресат идеологии" и "предмет /объект/ высказывания" / 11, S. 10 /. Эта элементарная логическая схема поддается самым разным толкованиям, в зависимости от мировоззренческой позиции ее пользователя, но это больше всего соответствует требованиям СЦПО. Поскольку Вайнбрэннер признает возможность "объективного познания" /в смысле философии позитивизма/, он признает и то, что в обществе могут существовать отдельные лица и "группы людей", которые, основываясь на своем общественном положении, "стараются реализовать вполне определенные материальные и политические интересы" / 11, S. 4 /, притом они в своей деятельности пользуются аргументацией, в которой царит полное согласие между "интересами" этой группы людей и "объектом высказываний и содержанием высказываний, использованных при их аргументации" / 11, S. 11 /.

Таким образом возникает "неопровержимое обоснование позиции" и "подобные высказывания ни в каком случае не могут быть подвергнуты сомнениям как идеологические" / 11, S. 11 /. Критерий подобного согласия не приводится. На вопрос - что это за отдельные лица или группы людей, которые "свободны" от идеологии, Вайнбрэннер отвечает только косвенно, характеризуя объект своей "критики идеологии". Он пишет: "Объектом критики идеологии не является человек, который мыслит и действует рационально. Главными движущими силами мышления и деятельности людей считают желания, стремления, страх и надежды. И р а ц и о н а л ь н ы й человек это тот человек, чье мышление находится в плену его же интересов, страстей и чувств" / 11, S. 36 /. В этой связи Вайнбрэннер ссылается на

Ф. Бекона, Т. Гобса, Дж. Локка, В. Спинозу и Э. Кондильяка, которые так же, по его мнению, занимались "критикой идеологии".

Это примечание в статье Вэйнбрэннера не случайно. Одну из "важных категорий" своей "критики идеологии" он усматривает в "теории интересов просвещения". / 11, S. 6/. Под этой теорией он подразумевает мысль просветителей о том, что за любым поступком людей находится какой-то их интерес, заинтересованность в определенном результате. Но и эта мысль не принадлежит Вэйнбрэннеру. К. Гросснер о взглядах "критических рационалистов" /И. Агасси, В. Бартлей, П.К. Фэйерабэнд, И. Лакатос, Э. Топич, К. Ленк, Г. Альберт/ пишет: "Они видят свою философию в традиции просвещения", "рационалистов", естественных наук нового времени, теории познания Канта" / 7, S. 34 /.

Эксплуатация теоретического наследия просвещения со стороны буржуазных ученых и специалистов политического образования со временем наверное будет усиливаться. Так, например, Вэйнбрэннер предлагает своим коллегам создать "основанную на просвещении и идее эмансипации теорию политического образования" / 11, S. 6 /. /Как известно, просвещение - это буржуазная идеология периода становления капитализма. Ее представители стремились путем просвещения и реформ преобразовать общество. При этом они должны были бороться против привилегий и власти феодалов, против всякого рода предрассудков и засилия церкви и духовной жизни общества, за самостоятельность науки/.

П. Вэйнбрэннер, основываясь на взглядах В. Гофмана, утверждает, что и современное западное общество нуждается в просвещении, и указывает его цель. Он пишет: "Раскрытие идеологии ... является непосредственной задачей просвещения в наше время" / 11, S. 37/. Идеологии заняли место религии, задачей науки является - подчинить их своему контролю.

Позиция Вэйнбрэннера в этом вопросе несостоятельна, так как религию наших дней он к идеологии не относит. От-

метии, что в абсолютном большинстве западногерманских школ, начиная с первого класса и кончая последним классом гимназии, в качестве обязательного предмета преподается - религия, которая по своей сущности тоже - иррациональна. Таким образом, от противопоставления "объективной" позитивистской науки и "субъективной" идеологии он приходит к выводу о "иррациональном" характере идеологии, в основе которого лежит "иррациональная природа человека". Освободиться от этой иррациональности, правда, только частично, "может помочь" выработанная Вэйнбрэннером система категорий "критики идеологии". Начинать эту работу следует с введения "критики идеологии" в практику социального учения / Sozialkunde /, притом, утверждает он, только в таком случае социальное учение сможет называться "научным". П. Вэйнбрэннер считает, что освоение "критики идеологии" в школах ФРГ создаст предпосылки для того, чтобы "могли бы быть преодолены социальное неравенство и существующие иррациональные обстоятельства господства и власти. В таком освобожденном обществе не существовала бы больше та почва, на которой могут возникнуть идеологические структуры сознания. Таким образом, критика идеологии одновременно является критикой общества" /11, S. 36/. Это практически означает, что Вэйнбрэннер пытается создать иллюзию, что ликвидация социального неравенства и устранение пороков капитализма возможны путем освоения теории "критики идеологии".

Как это показывает третья глава статьи, которая должна продемонстрировать практическое применение "системы аналитических категорий критики идеологии", критика основ буржуазного общества полностью отсутствует. Зато есть апология капиталистического строя. Так, критикуя авторов учебников за излишнее большое позитивное "морально педагогическое акцентирование мысли о накоплении" /11, S. 35 / денег, т.е. за ее идеологизацию, он утверждает, что это отвлекает учащихся от восприятия того, что является главной задачей хозяйствования в капиталистическом обществе. Такой задачей по мнению Вэйнбрэннера является "удовлетворение

потребительских потребностей всех членов общества" / 11, S. 35 /. Уже одного этого примера достаточно, чтобы назвать Вайнбрённера идеологом буржуазии, который изо всех сил старается служить главному интересу буржуазии, сохранению ее экономической, политической и духовной власти.

Можно прийти к выводу, что педагогический вариант теории "критики идеологии" служит достижению следующих целей: во-первых, критикуя идеологию марксизма-ленинизма и создавая видимость критики буржуазной идеологии, педагоги должны создавать у учащихся отрицательное отношение к вопросам идеологии; во-вторых, так как среди учащихся есть и будущие работники умственного труда, то это один из способов, как влиять на идейные настроения интеллигенции, в том числе, на столь важную для буржуазии научно-техническую интеллигенцию. В-третьих, это орудие борьбы с идеологией марксизма-ленинизма. В-четвертых, отвлечь внимание молодежи от критики буржуазной идеологии в целом, а пороки капитализма выдавать как последствия "иррациональной" деятельности отдельных буржуазных политиков.

Л и т е р а т у р а

1. Современная идеологическая борьба и молодежь. Вып. 1. М., 1973.
2. Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969.
3. "Das Parlament", 1974, 2. März.
4. Научно-техническая революция и общество. М., 1973.
5. Кольчугина М.В. ФРГ: экономика и образование. М., 1973.
6. Roloff E.-A. Politische Bildung zwischen Ideologie und Wissenschaft. - "Aus Politik und Zeitgeschichte", Beilage zur Wochenzeitschrift "Das Parlament", 1971, 9. Oktober.
7. Grossner C. Verfall der Philosophie. Politik deutscher Philosophen. Hamburg, 1971.

8. Современный антикоммунизм. Политике, идеология. М., 1973.
9. Weinbrenner P. Zur Ideologiekritik wirtschafts- und sozialkundlicher Lehr- und Lernmittel. - "Aus Politik und Zeitgeschichte", 1973, 1. September.
10. Шульце Г. Критика буржуазной концепции "деидеологизированного общества". - В кн.: Актуальные проблемы борьбы с антикоммунизмом. М., 1973.
11. Raschke J. Parteien, Programme und "Entideologisierung" (Zur Analyse von Parteiprogrammen). - "Aus Politik und Zeitgeschichte", 1970, 21. Februar.
12. Strzelewicz W. Aktuelle Probleme der politischen Bildung. - "Aus Politik und Zeitgeschichte", 1973, 20. Januar.
13. Lemberg E. Von der Erziehungswissenschaft zur Bildungsforschung. Das Bildungswesen als Gegenstand der Forschung. Heidelberg, 1963.
14. Анищенко Л.И. Структура общественного сознания. М., 1973.
15. Kaack H. Geschichte und Struktur des deutschen Parteiensystems. Opladen, 1971.
16. Behr W. Strukturprobleme der politischen Bildung. - "Aus Politik und Zeitgeschichte", 1973, 3. Februar.
17. Рихтер Г. Позитивизм как философская основа концепции "деидеологизации". - В кн.: Актуальные проблемы борьбы с антикоммунизмом. М., 1973.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1948.

Ф.РАЕВСКАЯ

КРИТИКА БУРЖУАЗНО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ
ИНТЕРПРЕТАЦИЙ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЛАТВИИ
ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

С восстановлением Советской власти в Латвии её народное хозяйство стало составной частью народного хозяйства СССР, правительство которого оказывало большую помощь молодой республике, особенно в развитии промышленности. Несмотря на огромные разрушения, причиненные войной, уже в 1947 году был достигнут и на 28% превзойден довоенный уровень промышленности Латвии¹ и уровень 1913 года. Таким образом, для достижения довоенного уровня промышленного производства Советской Латвии потребовалось всего лишь 2 года. В темпах развития промышленности ясно проявились главные преимущества социалистической системы хозяйствования над капиталистической, а также преимущества слияния экономики Латвии с народным хозяйством СССР. К 1965 году уровень промышленного производства 1940 года был превзойден в 17,4 раза, а в 1973 году в 33 раза.²

По уровню развития промышленности республика в настоящее время занимает одно из первых мест в СССР. Быстрый рост промышленности в Латвийской ССР был возможен только благодаря тому, что республике из общесоюзных фондов были выделены все необходимые материальные ресурсы и финансовые средства.

Характерно, что в Советской Латвии наиболее быстрыми темпами развивались отрасли промышленности, отстававшие в буржуазной Латвии. Латвийская ССР стала высокоиндустриальной республикой. Если в 1935 году основная часть населения - 65% - была занята в сельском и лесном хозяйстве, а на долю промышленности и строительства приходилось 17% занятого в народном

¹ Гулян П.В. Латвия в системе народного хозяйства СССР. Рига, 1967, с. 46.

² Народное хозяйство Латвийской ССР в 1973 году. Рига, 1974, с. 103.

хозяйстве населения, то в 1965 году удельный вес занятых в промышленности и строительстве достиг 37,4 процента, занятых в сельском и лесном хозяйстве уменьшился до 28,7%. В 1972 году эти цифры соответственно составляли: 40,6% и 21,5%.¹ О развитии промышленности республики эмигрантская печать помещает непропорционально мало материала (в сравнении, например, с проблемами сельского хозяйства, вопросами социалистической демократии и культуры). Для изданий латышской эмиграции характерна тенденция приуменьшить, замолчать или с позиций буржуазного национализма в ложном свете представить процесс развития экономики Советской Латвии. Причина такого подхода кроется в высоком индустриальном уровне развития Советской Латвии. В тех же случаях, когда этот вопрос нельзя обойти молчанием, дается стереотипное переходящее из одного издания в другое объяснение причин быстрых темпов развития промышленности республики, как якобы обусловленных стремлением Советского правительства и Коммунистической партии "эксплуатировать" республики Прибалтики и особенно Латвию.

В то же время буржуазные фальсификаторы, идеализируя период буржуазного господства в Латвии в 1920 - 1940 г.г., приукрашивая состояние экономики и жизненный уровень населения в тот период, стремятся доказать, будто в Латвии царил классовый мир, отрицают влияние иностранного капитала. Националистической буржуазии Латвии так и не удалось за 20 лет превзойти уровень промышленного производства 1913 года, в то время как валовая продукция промышленности СССР в 1940 году превосходила в 7,7 раза соответствующие показатели 1913 года.

Даже в период существования буржуазной Латвии, когда в условиях мирного времени развитие промышленности в целом шло по восходящей линии, темпы роста объема промышленного производства были намного медленнее по сравнению с соответствующими темпами в СССР за то же время.

¹ Народное хозяйство Латвийской ССР в 1972 году. Рига, 1973, с. 74.

Этот относительный (по сравнению с 1921, но не с 1913 г.) рост всячески выпячивается с целью заслонить быстрый рост промышленной продукции в годы Советской власти.

Так, Янис Руткис в изданной в 1960 г. в Стокгольме на латышском языке монографии "География Латвии" констатирует просто "рост продукции" как в буржуазной, так и Советской Латвии.¹ При этом Я. Руткис приводит данные по приросту физических объемов валовой продукции промышленности лишь с 1940 г. по 1955 г., которая возросла в 5,86 раза. Данных за 1959 год, показывающих прирост продукции в 9,65 раза по сравнению с 1940 г., Я. Руткис умышленно не называет. А о том, что он располагал этими данными, явно свидетельствует имеющаяся в монографии ссылка на статистический сборник "Народное хозяйство Советской Латвии за 20 лет".² Укажем, что по сравнению с 1945 г. валовая продукция промышленности возросла к 1959 г. в 20,5 раза,³ но и об этих показателях молчит данный автор. Та же тенденция выпятить незначительные успехи промышленности буржуазной Латвии и замолчать или принизить достигнутое за годы Советской власти еще четче прослеживается в изданной одной из самых реакционных организаций латышской эмиграции - Латышским Национальным Фондом - справочнике "Латвия, страна и народ" (1967 г.). Справочник вышел на английском языке и предназначен, как указано во введении, для западного читателя. Публикации этой книги придавалось чрезвычайно большое значение, по замыслу ее авторов, она должна была стать основным источником, из которого будут черпать сведения о прошлом и настоящем Латвии все интересующиеся этим лица и организации. Поэтому книга и по объему (640 с.) и по форме изложения мате-

¹ J. Rutkis. *Latvijas ģeogrāfija*. Stockholm, 1960., 606. lpp.

² Turpat, 616. lpp.

³ Народное хозяйство Советской Латвии за 20 лет. Рига, 1960. с. 46.

риала отличается от обычных справочных изданий, содержит весьма пространные статьи, к написанию которых были привлечены многие специалисты, преимущественно из старшего поколения латышской эмиграции. Она усиленно рекламировалась эмигрантской прессой, дарилась библиотекам научных и учебных заведений различных стран. Главным редактором справочника является уже упоминавшийся выше Я. Руткис.

Глава об экономике Латвии занимает 165 страниц. Из них обзор сельского хозяйства 44 страницы, лесов и лесозаготовок - 24 страницы, обзор транспорта и связи - 38 страниц, внешней торговли буржуазной Латвии - 17 страниц, промышленности - 22 страницы и освящение ввоза и вывоза товаров и сырья с 1945 года - 14 страниц. Диспропорция, как видим, наблюдается уже в самом распределении объема материала в ущерб разделу о промышленности. Но и внутри самого раздела, этих 22 страниц, непропорционально много места, 16 страниц или почти 73%, уделено вопросам энергоресурсов республики и электростанциям.

На оставшихся 6 страницах обобщающей перечисляются предприятия черной металлургии, машиностроения и металлообработки, а также химической и резиновой промышленности, называется выпускаемая ими продукция, иногда с указанием ее количества (преимущественно с устаревшими данными 1961 года). При этом отсутствует всякое сравнение уровней развития количества выпускаемой продукции в 1940 и 1965 годах, не указывается на возникновение новых для республики отраслей производства. Причина столь поразительной краткости в том, что объем производства в машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности за период с 1940 по 1965 год возрос в 151 раз, в том числе в собственно машиностроении примерно в 424 раза. Машиностроение и металлообработка - исторически сложившаяся отрасль специализации Латвии. В 1913 году удельный вес машиностроения во всей промышленности составлял по Латвии 24,6%.

В период существования буржуазной Латвии в результате отрыва от сырьевой базы СССР и раннего сужения рынка сбыта

объем производства машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности значительно сократился и составлял в 1940 г. лишь 0,4 уровня 1913 года.

Небезынтересна и другая деталь. Подробно перечисляются те немногие изделия машиностроения буржуазной Латвии, которые котируются на мировом рынке (например, малогабаритная фотокамера MINOX, выпускавшаяся ВВФом в 1930-ых годах). И в то же время ничего не говорят о том, что радиоприемники, выпускаемые предприятиями Латвии в настоящее время, отвечают лучшим мировым стандартам, пользуются спросом как в нашей стране, так и за рубежом, в том числе экспортируются и в Великобританию и Бельгию. Подробно расписывая внешнюю торговлю буржуазной Латвии, составители справочника не нашли места, чтобы указать на популярность выпускаемых промышленностью Советской Латвии изделий, экспортируемых более чем в 100 стран мира.¹

Преувеличенное внимание к электростанциям республики объясняется весьма просто. Дело в том, что в период буржуазной Латвии объем продукции по сравнению с 1913 годом возрос лишь в трех отраслях промышленности: производство электроэнергии увеличилось - в 4,9 раза, продукция легкой промышленности - в 1,5 раза, а пищевой промышленности - в 1,8 раза.

Как видим, темпы роста производства электроэнергии были самыми высокими. И на фоне других отраслей промышленности понятно было бы стремление составителей справочника к описанию городских и сельских электростанций, построенных до II мировой войны, в том числе Кегумской ГЭС. Но авторы и тут следуют своему основному принципу: дать минимальную информацию о достижениях советского периода. Поэтому в справочнике, изданном в 1967 году, указывается лишь проектируемая мощность Плявиньской ГЭС и "предполагаемый" в 1965 - 1966 г.г. ввод в

¹ Данные за 1970 год. - "Советская Латвия", 1971, 26 февраля. (Доклад А.Э.Восса XX съезду КП Латвии).

действие. То есть, обходится молчанием тот факт, что в 1965 году вступили в строй первые 5 гидроагрегатов Шлявиньской ГЭС, что увеличило мощность электростанций республики более чем в 2 раза, а производство электроэнергии по сравнению с 1939 годом возросло в 6,5 раза.¹

Совершенно немотивировано рассмотрено торфяной промышленности в отрыве от энергетических ресурсов республики в целом. Однако у составителей справочника своя логика: уделив развитию этой отрасли в буржуазной Латвии целую страницу, а советскому периоду лишь 2 маленьких абзаца, они заключают, что "высокое потребление торфа показывает, что советская власть не в состоянии обеспечить Латвию более ценным топливом".²

Прием введения читателя в заблуждение здесь также не сложен. Рассмотрение торфяной промышленности изолированно от топливно-энергетических ресурсов республики понадобилось потому, что топливно-энергетический баланс свидетельствует об обратном - уменьшении доли торфа: 20,1% - в 1960 г., 14,2% - в 1965 году. Добавим, что в том же 1965 году доля привозного топлива (нефть, уголь, газ) составляла 68,9%.³

Столь же необоснован и другой вывод авторов книги:

"Еще более странным, - пишут они, - является факт, что торфяная промышленность дает финансовый доход. Однако, этот явный доход достигается за счет высокой цены потребителей на торф".⁴

¹ Подсчитано на основе данных по кн.: "Народное хозяйство Латвийской ССР". Рига, 1957, с. 32 и "Народное хозяйство Латвийской ССР в 1971 году". Рига, 1972, с. 54.

² Latvia country and people. Stockholm, 1967, p. 421.

³ К 1970 году доля торфа в топливном балансе республики снизилась до 9,6%.

⁴ Latvia country and people, p. 421.

"Удивление" доходностью отрасли вызвано незнанием в ней темпов роста производительности труда, по которым торфяная промышленность стоит на 2 месте после машиностроения: производительность труда в торфяной промышленности за период с 1940 по 1965 год возросла в 11,9 раз при ее увеличении в 5,2 раза в целом по промышленности. В послевоенные годы созданы высокомеханизированные предприятия, оснащенные современной техникой.

Авторы книги "Latvia. Country and People" судят по временам буржуазной Латвии, когда торфяная промышленность базировалась на ручном труде. Добавим к тому же, что в личное потребление идет лишь 0,8% добываемого торфа и торфяных брикетов.¹

Для придания видимости объективности составители сборника приводят несколько таблиц о росте выпуска отдельных видов продукции за период с 1950 по 1961 год.²

Интересно отметить тенденциозный отбор видов продукции, по которым даются диаграммы: мясо, масло и мука (пищевая промышленность), ткани (текстильная), цемент, кирпич и оконное стекло (промышленность строительных материалов). Делается это потому, что в годы буржуазной Латвии пищевая и текстильная промышленность развивались наиболее успешно, превысив уровень 1913 года, а промышленность строительных материалов по темпам роста производительности труда занимала в буржуазной Латвии первое место.³

Показательно, что в диаграммах, приводимых в справочнике, не указываются данные о развитии названных отраслей в целом, а приводятся лишь сведения по произвольно выбранным видам

¹ Динамика межотраслевых и межреспубликанских экономических связей Латвийской ССР. Рига, 1971, с. 55.

² Выбор именно этого десятилетия, а не сравнение данных с 1940 по 1965 годы, также направлен на умаление достижений Советского периода по данным отраслям промышленности.

³ Гулян П.В. Латвия в системе народного хозяйства СССР. Рига, 1967, с. 46.

продукции. Такой подход нельзя назвать прямой фальсификацией, однако тот факт, что он весьма далек от объективности, не вызывает сомнений. Так, авторы умалчивают о том, что продукция пищевой промышленности выросла с 1940 по 1965 год в 6,6 раза, легкой промышленности в 8,5 раза, в том числе швейной почти в 42 раза.¹ Авторы "не замечают" быстрого роста трикотажной промышленности, и происходит это потому, что за период с 1940 по 1965 г. производство чулочно-носочных изделий увеличилось в II раз, бельевого трикотажа - в 8 раз, верхнего трикотажа в 32 раза. Точно также и в разделе о промышленности строительных материалов сходятся молчаливо, как общие показатели её роста, так и наиболее характерное для нее явление в 1956 - 60 г.г. - производство сборных железобетонных и бетонных конструкций и деталей. Выпуск сборного железобетона увеличился с 31,6 тысяч м³ в 1955 году до 261 тысячи м³ в 1960 году и 727 тысяч м³ - в 1965 году.

Как видим, авторы справочника проявляют большую изощренность, чтобы еще в 1967 году замолчать или любыми путями умалить высокий уровень индустриального развития социалистической Латвии. Однако это прием во второй половине 60-х годов резко девальвирует. Эта девальвация была вызвана изменениями в тактике антикоммунизма в целом, усложнившейся теоретической аргументацией наших противников, их обращением к более внимательному изучению советских источников, маскировкой под объективность. С некоторым отставанием эта тенденция проявилась и в изданиях реакционной эмиграции.

Некоторые представители либеральной интеллигенции из числа эмиграции начинают выступать против духа, царящего во многих изданиях и организациях, который требует "хулить все,

¹ Народное хозяйство Латвийской ССР в 1971 году. Рига, 1972, с. 66.

чего латышский народ на родине достиг". Даже в воскресных школах, где часть детей эмигрантов обучается латышскому языку, раздаются протесты против того, что учителя рассказывают, сколько бекона и масла производилось в Латвии в тридцатые годы, но боятся упомянуть, сколько и чего Латвия производит сегодня.

В 1960 году в Кёнигштейне (ФРГ) был создан Балтийский институт (Institutum Balticum), ставящий задачей "исследовать современную историю балтийских стран".¹ Ежегодник института "Acta Baltica" призван вооружить пропагандистов антикоммунизма материалами о Прибалтике. Для авторов публикаций этого издания при сохранении антисоветской направленности характерна относительно трезвая оценка соотношения сил на мировой арене и более реалистический подход к оценке успехов советских прибалтийских республик. Знаменательна в этом плане статья редактора ежегодника Андриева Намсона "Новые достижения в промышленности Латвии".²

В ней обильно приводятся данные советской статистики, автор подчеркнуто использует в качестве источников советские издания (из 175 ссылок 124 даны на литературу, вышедшую в СССР, широко используется "Малая энциклопедия Латвийской ССР", газета "Циня"). Но эта усиленно демонстрируемая "объективность" не более чем дань времени, так как в конце своей статьи А. Намсон приходит к избитому утверждению, что пользу от более высокого уровня развития промышленности в республиках Прибалтики имело только народное хозяйство СССР, но не хозяйство самих советских прибалтийских республик.³

¹ Acta Baltica, 1962, 1, S. 5.

² Acta Baltica, 1970, 1X, S. 81-134.

³ Там же, с. 133-134.

По Намсону, бурное развитие промышленности Латвии "может приносить только вред собственному населению". Пытаясь обосновать такой абсурдный вывод, он пускает в ход миф о "советском индустриальном колониализме".¹

Тезис о "советском колониализме" в Прибалтике не нов. Он фигурирует и в изданной в Стокгольме "Географии Латвии", и в книге "Латвия, страна и народ". В частности, авторы последней 14 страниц посвятили вопросу ввоза и вывоза товаров и манипулируют отдельными цифрами, стараются убедить своего малоосведомленного читателя из стран Западной Европы и Америки в "эксплуатации" Латвии и "русском колониализме".

А. Намсон полностью солидаризируется с этими утверждениями. И по его странной логике, застой в развитии экономики Советской Латвии был бы благом для населения республики, а рост производства - это зло.

В чем же усматривают идеологи националистической эмиграции "советский индустриальный колониализм"?

Во-первых, в том, глубококомысленно изрекает Руткис, что "пропорционально росту промышленности растут возможности эксплуатации". Из элементарной истины о более высокой эффективности приложения труда в промышленности теоретики типа Руткиса делают заключение о "стремлении Москвы" за счет высокого уровня индустриализации увеличить "степень эксплуатации Латвии". Этот лживый антисоветский вывод провокационно рассчитан на экономическую неграмотность читателя. Читателю внушается мысль, что высокие темпы индустриального развития характерны лишь для Прибалтийских республик, а другие советские республики "выступают как пожинатели плодов".²

Высокие темпы развития промышленности - общая закономерность всех союзных республик. Так IX пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1971 - 1975 г.г., который

¹ Acta Baltica, 1970, IX, S. 133-134.

² Acta Baltica, 1970, IX, S. 134.

успешно выполняется, предусматривает увеличение объема производства промышленной продукции во всех союзных республиках не менее чем на 35%. При этом наивысший рост производства запланирован для таких республик как Армянская ССР (60 - 63%), Казахская ССР (57 - 60%), Молдавская ССР (56 - 59%). Прирост же промышленной продукции Украинской ССР составит 38 - 41%, Латвийской ССР - 35 - 38%, Эстонской ССР - 36 - 39%.

Следуя нелепой логике Намсона - Руткиса, выполнение планов девятой пятилетки грозит "эксплуатацией" Армении и Казахстану, а "колонизаторами" выглядят не кто иные как Латвия и Эстония, ибо в них темпы роста промышленности предусмотрены наименьшие!

Зымыслы о "советском колониализме", "эксплуатации" одних республик другими не имеют ничего общего с реальностью. Коммунистическая партия Советского Союза на всех этапах развития нашего многонационального государства постоянно обеспечивала всестороннее развитие экономики всех советских наций и народностей. Политика КПСС направлена на обеспечение рационального размещения производства и планомерную разработку природных богатств всей страны, объединение и согласование трудовых усилий советских республик, сочетание интересов всего государства с интересами каждой союзной республики.

В Программе КПСС четко сформулированы основные принципы этой стороны экономической политики: "Партия будет по-прежнему проводить политику, обеспечивающую фактическое равенство всех наций, народностей с полным учетом их интересов, уделяя особое внимание тем районам страны, которые нуждаются в более быстром развитии. Растущие в процессе коммунистического строительства блага необходимо справедливо распределять среди всех наций и народностей".¹

¹ Программа КПСС. М., 1961, с. 114.

В качестве второго "весомого доказательства" теории "колониализма Латвии" эмигрантские издания используют факт превышения вывоза товаров над ввозом их в республику.

Для экономических связей Латвийской ССР в 60-х годах характерно известное преобладание вывоза над ввозом. В 1966 году ввоз составил 1899,2 миллиона рублей, а вывоз - 2078,6 миллиона рублей, т.е. вывоз превысил ввоз на 179,4 миллиона рублей. В связи с произведенным в 1967 году приближением цен и общественно необходимыми затратам труда превышение вывоза над ввозом в 1966 г. составляет 87,5 миллиона рублей, т.е. уменьшается более чем вдвое.¹

Намсон, Руткио и другие эмигрантские авторы усматривают в этом ущерб для экономики Латвии. А. Намсон выражает большую "озабоченность" тем, что значительная часть производимой в Латвии продукции промышленности поставляется в другие союзные республики. "Экспорт в таком объеме, - утверждает Намсон, - может принести только вред собственному населению".²

Совершенно не понимая характера советской экономики, закономерностей ее развития, эмигрантские авторы путаются в своих рассуждениях и изображают злом экономики Латвии, то, что в их же капиталистическом мире считается благом (так превышение вывоза над ввозом любая капиталистическая страна

¹ Динамика межотраслевых и межреспубликанских связей Латвийской ССР. с. 197.

При рассмотрении проблемы ввоза и вывоза следует учитывать, что значительную часть ввозимой продукции составляет сырье, не облагаемое налогом с оборота, а в вывозимой из республики продукции преобладают готовые изделия машиностроительной, химической, легкой и др. промышленности, облагаемые налогом с оборота. На баланс вывоза и ввоза, таким образом, существенно влияет соотношение цен на сырье и готовую продукцию.

² *Acta Baltica*, 1970, в. 133-134.

расценивает как большое достижение).

Однако оценивать экономические связи между советскими республиками, исходя только из объема или соотношения ввоза и вывоза было бы неверно. Нельзя применять в отношениях между районами СССР мерил международной торговли.¹ Народное хозяйство Латвийской ССР не представляет собой замкнутую экономическую систему, а является составной частью всего народного хозяйства СССР, частью единого народнохозяйственного комплекса. Размеры вывоза и ввоза в Латвии, как и других союзных республиках, определяется целым рядом факторов.

Латвийская ССР, как известно, слабо обеспечена природными ресурсами. Минеральные сырьевые ресурсы представлены в основном нерудными ископаемыми, которые используются для производства строительных материалов. Биологические сырьевые ресурсы (сельскохозяйственное сырье, лесонасаждения и рыбные запасы) по своим размерам ограничены. Поэтому в Латвии преобладает обрабатывающая промышленность, подавляющая часть которой базируется на привозном сырье и топливе. Из такого положения, естественно, вытекает необходимость и целесообразность специализации промышленности республики на выпуске маломатериалоемкой и малоэнергоемкой продукции.

В порядке общественного разделения труда промышленность республики специализируется на выпуске относительно небольшого ассортимента изделий, но зато в больших количествах. При определении размеров производства на отдельных предприятиях учитываются такие факторы как потребность народного хозяйства всей страны, наличие местного сырья или рациональной доставки его из других районов, экономическая целесообразность зоны реализации продукции, оптимальность размеров

¹ На это справедливо указывает латвийский экономист К.Ципе. См.: "Проблемы развития народного хозяйства Латвийской ССР". Рига, 1970; с. 325.

выпуска изделия при существующем уровне развития науки и техники.

В промышленности Латвийской ССР теперь преобладают крупные предприятия. 57% промышленных рабочих занято на предприятиях, где число рабочих превышает 1000 человек. Концентрация производства открыла простор для применения высокопроизводительного оборудования и современных методов организации производства, роста числа средств механизации и автоматизации. В 1973 году в промышленности республики действовало 64 комплексно механизированных и 4 автоматизированных предприятия.¹

Резкое увеличение объема производства отдельных видов продукции наряду с существенными изменениями уровня механизации и автоматизации производственных процессов и технологии производства позволило повысить производительность труда с 1940 по 1973 год в 9,5 раза.²

Но идеологи эмиграции упорно не замечают этого. Им куда милее полукустарная промышленность буржуазной Латвии. Проповедуемые Руткисом и Намсоном идеи своеобразного промышленного автаркизма не только наивны и утопичны, они глубоко реакционны, ибо тянут назад к отсталому и экономически неэффективному производству. Эти идеи проникнуты национализмом и антисоветизмом, они преследуют цель подорвать экономические связи Латвии с другими советскими республиками. И если Руткис и Намсонс сокрушаются "привязанностью Латвии" к экономике СССР и как альтернативу выдвигают "независимость" и автаркизм, то Б.Калныньш в своих программных устремлениях более откровенен: он отбрасывает автаркические иллюзии и требует интеграции экономики Латвии с экономикой европейских капиталистических стран.

¹ Советская Латвия в период развитого социалистического общества. Рига, "Зинатне", 1974, с. 25.

² Там же.

Лидер т.н. латышской социал-демократии В.Калныньш осознает невозможность существования в современном мире Латвии, не входящей в какие-либо союзы. Однако он упорно избегает рассмотрения вопросов развития народного хозяйства Латвии в ретроспективе. Причина этого в том, что такой анализ неизбежно привел бы его к совершенно противоположным выводам. Как справедливо указывают экономисты Советской Латвии,¹ решающим условием быстрого роста промышленного производства в дореволюционной Латвии была широкая возможность реализации продукции на внутреннем рынке России. Структура промышленности Латвии сложилась с учётом потребностей этого рынка. Промышленность Латвии являлась органической частью народного хозяйства России и могла успешно развиваться, лишь опираясь на сырьевые ресурсы и рынки сбыта последней. Об этом свидетельствует также и резкое отставание промышленности в период буржуазной Латвии, когда она оказалась оторванной от своей естественной сырьевой базы и рынков сбыта. В результате буржуазное государство попало в зависимость от западных империалистических держав, промышленность утратила свое ведущее положение, и основной отраслью народного хозяйства было провозглашено сельское хозяйство.

Интересен и тот факт, что среди определенной части самих эмигрантов в последние годы наблюдается растущее критическое и даже негативное отношение к программным заявлениям основных эмигрантских организаций. (Напомним, что важнейшей целью почти всех эмигрантских организаций записано "восстановление независимой" (читай буржуазной - Ф.Р.) Латвии). На страницах эмигрантского издания либерального оттенка "Мусу Лайкметс" буржуазный публицист Харалд Янсон едко высмеивает всю беспочвенность претензий вожakov эмиграции "осчастливить" таким образом латышский народ; убедительно показывает, чем оберну-

¹ Гуляш П.В. Латвия в системе народного хозяйства СССР, с. 13-15.

лась бы эта провозглашаемая независимость для экономики Латвии: экономические трудности, перепроизводство товаров, жесткая конкуренция при их экспорте, излишки рабочей силы, эмиграция инженерно-технического персонала и ученых и вытекающая из всего этого неспособность обеспечить социальные завоевания, гарантировавшиеся при социализме. Таким образом, в самой эмигрантской среде купел "колониализма" подвергается критике и воспринимается как откровенная демагогия.

Версия о "советском колониализме", очевидно, должна подтверждаться какими-нибудь данными о более низком жизненном уровне "угнетенной" Прибалтики, о несправедливом распределении национального дохода.

Но при всем старании эмигрантские "советологи" не в состоянии привести такие данные, потому что их нет.

Соответственно своему вкладу в создание национального дохода СССР, население Латвии постоянно занимает одно из первых мест в потреблении производимой продукции и услуг.

Представление о размерах потребления Латвии в сравнении с потреблением всей страны в целом дает следующая таблица:

Таблица № I

Использование национального дохода на личное потребление в расчете на душу населения (в руб.)^I

	1961 г.	1966 г.	1970 г.
С С С Р	448	574	736
Латвийская ССР	640	784	1066

^I Расчеты произведены на основе данных о сумме национального дохода, используемого на личное потребление населения по СССР и Латвийской ССР и данных о численности населения, а также заимствованы из доклада А.Э.Восса XX съезду КП Латвии (Советская Латвия, 1971, 26 февраля).

Существенная разница в суммах использованного национального дохода на душу населения в целом по СССР и по Латвийской ССР (продолжение сноски см. на следующей странице)

Приведенная таблица красноречиво говорит также о быстром росте благосостояния советского народа, при котором личное потребление материальных благ в расчете на душу населения в Латвийской ССР возросло с 1961 по 1970 г. на 65%.

О высоком жизненном уровне населения республики свидетельствуют и другие показатели. Так, по сумме розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли (включая общественное питание) на душу населения Латвия в 1972 году занимала среди союзных республик первое место (1048 руб.), второе принадлежало Эстонии (1041 руб.), третье - Литовской ССР (795 руб.). Средний же показатель для Союза ССР - 713 руб.¹

Буржуазные националисты пытаются умалить значение этих высоких для Латвии показателей рассуждениями о том, что значительная часть товаров в Латвии раскупается приезжающими. Однако по данным межреспубликанского баланса 1966 года из реализованных в Латвийской ССР товаров населением других республик приобретено менее 7%.²

Жизненный уровень населения, как известно, определяется большим количеством показателей. Среди них немаловажное значение имеют сфера услуг, состояние здравоохранения, удовлетворение культурных запросов. В 1970 году по объему реализованных бытовых услуг на душу населения Латвия занимает первое место среди союзных республик, по численности врачей

(продолжение сноски с предыдущей страницы) в значительной мере образуется за счет таких двух факторов как: высокая степень занятости населения Латвии (одно из первых мест по стране) и низкий естественный прирост населения.

¹ Народное хозяйство Латвийской ССР в 1972 году. с. 74.

² Динамика межотраслевых и межреспубликанских связей Латвийской ССР. с. 186.

всех специальностей и числу больничных коек на 1000 жителей - второе место, по тиражу изданных книг - третье место.

Так реальная действительность опровергает вымыслы антисоветчиков о "русском колониализме", "экономическом угнетении" и "эксплуатации" Прибалтики.

Несостоятельность их вынуждены сегодня признавать и некоторые идеологи эмиграции. Наиболее дальновидные из них призывают отказаться от шаблонных утверждений. Такие голоса слышны ныне среди т.н. академических кругов и научных организаций прибалтийской эмиграции. Так, на II конференции Ассоциации содействия развитию Балтийских исследований (США, 1970 г.) американский историк литовского происхождения Бенедикт Мачойка в своем докладе прямо заявил, что "Советы не практикуют экономической дискриминации к Прибалтике" и опровергал утверждения о якобы неэквивалентном обмене между советскими республиками.^I

Таким образом, подводя итоги всему изложенному, можно сказать, что в целом к рассмотрению процесса индустриализации Советской Латвии авторы из числа латышской эмиграции обращаются весьма неохотно. В течение 10-летия с 1960 по 1970 г.г. произошла заметная эволюция в методах освещения развития промышленности республики. Для первых 5-7 годов характерно стремление замолчать, преуменьшить успехи в индустриализации республики или же выпячивание на передний план сравнительно медленно развивающихся отраслей, уделяя им непропорционально много места.

Для периода конца 60-х годов, характеризующегося возросшим теоретическим уровнем антикоммунизма в целом и антикоммунизма латышской эмиграции в том числе, показательно обилие приводимой статистики о развитии промышленности Латвии, подчеркивание ее высокого уровня индустриализации. Однако

^I Journal of Baltic Studies, volume III, N 1, 1972, p. 18.

признание самих фактов, существование которых просто невозможно игнорировать, отнюдь не означает отказа от предвзятого, заведомо антисоветского их толкования. Наиболее часто употребляемый тезис об "индустриальном колониализме" и "экономическом использовании" Латвии, в результате которого якобы страдает население этого района, безоснователен и опровергается приведенными данными об использовании национального дохода на личное потребление населения, о росте материального благосостояния советского народа в целом и населения Советской Латвии в том числе.

Р. ПАЛИНЬ

ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ НАЦИОНАЛИЗМА И РЕВИЗИОНИЗМА

Вопрос о взаимосвязи национализма и ревизионизма в последние годы вызывает повышенный интерес. Это объясняется, во-первых, тем, что в условиях обострения идеологической борьбы широко разветвленный аппарат буржуазной пропаганды особое внимание уделяет попыткам оживления националистических предрассудков в сознании населения социалистических стран и распространению ревизионистских идей.

Буржуазные идеологи, видя, что социалистический интернационализм является залогом успехов в развитии социалистического общества, каждой нации, народности и этнической группы, острие своих нападок направляют против дружбы народов, против социалистического интернационализма. Именно поэтому они выступают "защитниками национальных интересов".

В ходе развития социалистического общества произошли коренные изменения в сознании людей. Буржуазные специалисты пропаганды вынуждены считаться с тем, что открытое распространение буржуазной идеологии не может дать желаемых для них результатов. Даже в сознании тех людей, у которых сохранились те или иные пережитки прошлого, преобладают политические, моральные и другие духовные ценности социалистического содержания. Интересы и цели буржуазии человеку социалистического общества чужды и неприемлемы. Поэтому буржуазная пропаганда пытается свои антикоммунистические цели прикрыть "заботой" о дальнейшем развитии социализма, дальнейшем развитии социалистических наций.

Во-вторых, идеология современного ревизионизма очень часто имеет националистический характер. Особенно ярко эта взаимосвязь проявляется в разного рода теориях "национального коммунизма" и "моделей социализма".

Для выявления причин такой взаимосвязи национализма и ревизионизма как в буржуазной пропаганде, так и в "теориях"

современных оппортунистов необходимо рассмотреть вопрос о видах (или типах) национализма.

Любой национализм, будучи порождением капитализма, извращает сущность национального, противопоставляет свою нацию другим, в той или иной форме всегда связан с проповедью национальной ограниченности, "превосходства" своей нации, ненависти к представителям других наций. В этом сущность национализма. Однако, в зависимости от классового содержания такой идеологии и общественной психологии можно выделить несколько видов национализма.

В первую очередь следует выделить национализм периода становления нации, периода национально-освободительных движений и антиколониальной борьбы. И хотя в зависимости от конкретных исторических условий в проявлениях этого национализма могут быть очень большие различия, в целом на этапе становления нации и завоевания национальной независимости он может сыграть определенную положительную роль в консолидации нации, становлении ее национального самосознания и способствовать решению задач национального освобождения.

Второй, самый реакционный вид национализма - буржуазный национализм. Он возникает как результат развития капитализма, когда буржуазия свои интересы провозглашает интересами всего общества. Реакционность буржуазного национализма особенно ярко проявляется в наши дни, когда дальнейшее развитие наций неразрывно связано с переходом к социализму, когда правильно поняты национальные интересы совпадают с интересами международного коммунистического и рабочего движения, с интересами строительства социализма.

Но буржуазия, - как подчеркивал В.И. Ленин, - "предает интересы свободы, родины, языка и нации, когда встает перед ней революционный пролетариат" /4, с.241/.

Это предательство, в первую очередь, проявляется в провозглашении реакционной, отжившей свой век буржуазной политики и идеологии, якобы отвечающей интересам всей нации.

Путем абсолютизации роли нации в общественной жизни буржуазия пытается идеологически укрепить свое клас-

совое господство и направить неудовольствие масс против своих конкурентов на международной арене. Одновременно буржуазные идеологи используют национализм для затухивания существующих классовых противоречий, классовой борьбы и создания иллюзии классового мира. Например, сионисты говорят об израильянах как об одной большой единой семье, которая не делится ни на какие классы. Существуют якобы только израильяне и, как их противоположность, все остальные. Таким образом они пытаются не только уменьшить сопротивление трудящихся масс эксплуатации, но одновременно и расколоть, натравить рабочих, крестьян, интеллигенцию и служащих разной национальности друг на друга.

"Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм - вот два непримиримо-враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие две политики (более того: два мировоззрения) в национальном вопросе", - писал В.И. Ленин /2, с.123/.

Буржуазный национализм в условиях капитализма распространяется при помощи системы образования и средств массовой информации и в других классах и социальных слоях общества. Но эти идеи в сознании разных социальных групп буржуазного общества находят свое специфическое преломление.

Поэтому наряду с буржуазным национализмом можно выделить и мелкобуржуазный национализм.

Хорошо известна двойственная природа мелкой буржуазии: одновременно и труженики, производящие материальные ценности, и частные собственники средств производства, тяготеющие к буржуазии. Последнее обстоятельство объясняет, почему малая буржуазия используется буржуазными идеологами как социальная база распространения буржуазного национализма.

Но трудовой характер этой социальной группы часто приводит и к определению рода смягчения классовой направленности национализма, к отказу от поддержки чисто буржуазных политических целей, одновременно сохраняя сущность национализма.

Марксизм-ленинизм дает научное решение проблемы национального. Национальное само по себе не является националистическим, оно неразрывно связано с интернациональным. Борьба трудящихся за специфические интересы своей нации, национальную самостоятельность и независимость неотделима от совместной борьбы, солидарности и сближения революционных сил всех наций.

Ф.Энгельс подчеркивал, что "в рабочем движении подлинно национальные идеи ... в то же время всегда являются и подлинно интернациональными идеями" /I, с.374/. Любое национальное требование марксист всегда оценивает с точки зрения борьбы рабочего класса за прогресс общества.

Если национальное отрывается от интернационального, то оно уже не выражает действительно национальные интересы, которые в современной эпохе выражаются в переходе к социализму и коммунизму. Поэтому марксистско-ленинская национальная политика основывается на неразрывном диалектическом единстве национального и интернационального, без односторонней абсолютизации национального или интернационального и их противопоставления. С пролетарским, социалистическим интернационализмом одинаково несовместим как национальный империализм, так и национализм.

Главным центром национализма в наши дни являются империалистические государства не только потому, что национализм как извращенное понимание национального является существенной частью идеологии и общественной психологии буржуазии и мелкой буржуазии, но и потому, что при помощи аппарата пропаганды национализм распространяется и на другие социальные группы и другие страны.

В социалистических странах национализм в основном преодолен. Особенно это относится к проявлениям буржуазного национализма, так как давно уже не существует буржуазия - социальная база сохранения буржуазно-националистических взглядов. Поэтому возможны только отдельные проявления буржуазно-националистических взглядов - как остатки старой идеологии и общественной психологии, которые сохранились в

результате каких-то индивидуальных условий в тех странах, где социалистический строй существует сравнительно недарго, или как результат воздействия буржуазной пропаганды на отдельных политически незрелых людей.

Пережитки националистических предрассудков чаще всего имеют мелкобуржуазный характер. Характерно, что мелкобуржуазный национализм прямо не связан с открытой защитой интересов буржуазии. Поэтому его труднее распознать: на словах признается равноправие наций и интернационализм и лишь на деле проявляется национальный эгоизм и ограниченность. Не всегда легко провести грань между обоснованной и естественной гордостью достижениями своей нации и самовосхвалением, выпячиванием роли своей нации или ее представителей, между объективной оценкой существующего национально специфического и преувеличением его значения, между необходимостью по возможности полнее использовать местные ресурсы и попыткам игнорировать общие интересы, тенденциям местничества. Это дает возможность остаткам мелкобуржуазных взглядов проявляться в замаскированных, внешне безобидных формах. Одновременно остатки мелкобуржуазного национализма характерны чрезвычайной эмоциональностью, которая связана с чванством и высокомерием, антипатиями и недоверием к представителям тех или иных народов.

В социалистическом обществе ликвидированы политические и социально-экономические причины вражды народов. Опыт международного коммунистического и рабочего движения, Советского Союза и других социалистических стран убедительно доказал большое плодотворное влияние пролетарского, социалистического интернационализма на развитие каждой нации и всего общества. В основе достижений каждого народа социалистических стран лежит реальное равноправие, братское сотрудничество, взаимопомощь, общность целей и тесное единство в борьбе за реализацию целей, выдвинутых марксистско-ленинскими партиями. Поэтому можно сказать, что сама социалистическая действительность непрерывно способствует ликвидации не только буржуазно-, но и мелкобуржуазно-националистиче-

ских пережитков. Однако такие пережитки существуют.

Для выяснения причин сохранения остатков мелкобуржуазного национализма и их взаимосвязи с современным ревизионизмом следует несколько подробнее остановиться на гносеологических, классовых и социально-психологических корнях мелкобуржуазного национализма.

Гносеологические причины существования мелкобуржуазного национализма кроются в возможности идеалистического и метафизического подхода, в ошибочном толковании явлений общественной жизни, допускаемым теоретически недостаточно подготовленными людьми, которые не знают или недостаточно глубоко понимают законы и тенденции развития общества.

В основе любого национализма лежит идеалистическое понимание сущности нации. Гносеологические корни такого понимания кроются в игнорировании одной тенденции развития нации и преувеличении другой. В результате психическая структура нации и язык отрываются от экономической жизни, абсолютизируются национальное самосознание и чувства национальной гордости. Это характерно идеологии национализма.

И современный ревизионизм в национальном вопросе начинается с того же. Ревизионизм также, как и национализм, преувеличивает национально-специфическое, недооценивает интернациональное, противопоставляет национальные интересы интернациональным. Именно поэтому в международном рабочем движении ревизионистские тенденции всё более переплетаются с проявлениями национализма и шовинизма.

Как подчеркивает чехословацкий профессор Л. Ганзел "национализм объединяет различные ревизионистические течения и тенденции воедино. Даже "самая модная" современная ревизионистская теория так называемого национального коммунизма ... имеет типично националистический характер" /II, с. II2/. Как ярко показали события 1968 года в Чехословакии, такая неразрывная связь национализма и ревизионизма независимо от субъективных желаний носителей этих взглядов неизбежно вела к оппортунизму, к поддержке политики буржуазии.

В.И. Ленин подчеркивал, что путем анализа классового содержания и главных, существенных принципов общественных течений можно прийти к следующему выводу: "Основная идея оппортунизма есть союз или оближение (иногда соглашение, блок и т.д.) буржуазии и ее антипода. Основная идея социал-национализма совершенно та же самая. Идеино-политическое родство, связь, даже тождество оппортунизма и социал-национализма не подлежит никакому сомнению" /7, с.151/.

Как ревизионист, так и националист "забывает" основные интересы пролетариата.

Это объясняется тем, что мелкобуржуазный национализм и ревизионизм имеют общие классовые корни. В условиях капитализма рядом с пролетариатом существуют широкие слои мелкой буржуазии. Из-за своей двойкой природы мелкая буржуазия является классовым источником ревизионизма и оппортунизма в рядах рабочего класса. Разоренные крестьяне, мелкие торговцы и ремесленники и бывшие представители других слоев капиталистического общества непрерывно пополняют ряды пролетариата. Они приносят с собой и мелкобуржуазное сознание. Поэтому В.И. Ленин подчеркивал неизбежность ревизионизма на определенных этапах революционной борьбы.

"Капитализм родился и постоянно рождается из мелкого производства. Целый ряд "средних слоев" неминуемо вновь создается капитализмом... Эти новые мелкие производители так же неминуемо опять выбрасываются в ряды пролетариата. Совершенно естественно, что мелкобуржуазное мировоззрение снова и снова прорывается в рядах широких рабочих партий" /3, с.25/.

Анализируя сущность ревизионизма, В.И. Ленин подчеркивал: "От случая к случаю определять свое поведение, приспособляться к событиям дня, к поворотам политических мелочей, забывать коренные интересы пролетариата и основные черты всего капиталистического строя, всей капиталистической эволюции, жертвовать этими коренными интересами ради действительных или предполагаемых выгод минуты, - такова ревизионистская политика" /3, с.24/.

Однако в ходе развития революционной борьбы в странах капитала широкие слои мелкой буржуазии, будучи тружениками, становятся союзниками рабочего класса и способны бороться против буржуазии, за демократию, свободу и национальную независимость. Поэтому необходимо вовлечь в революционную борьбу всё более широкие слои мелкой буржуазии, а также интеллигенции и служащих, но одновременно вести активную борьбу против мелкобуржуазных взглядов, которые вносятся этими союзниками рабочего класса.

Сельская и городская мелкая буржуазия являются союзниками рабочего класса и в строительстве социализма. Однако в периодах обострения классовой борьбы или возникновения разного рода трудностей в создании нового общества может проявиться "особая" позиция мелкой буржуазии в попытках найти третий путь развития, который не был бы ни буржуазным, ни и не социалистическим, т.е. ведет к ревизии марксистско-ленинской теории.

Говоря о ревизионистской политике, В.И. Ленин отмечал, что из существа этой политики вытекает, "что она может принимать бесконечно разнообразные формы и что каждый сколько-нибудь "новый" вопрос, сколько-нибудь неожиданный и непредвиденный поворот событий, хотя бы этот поворот только в миниатюрной степени и на самый недолгий срок изменял основную линию развития, - неизбежно будут вызывать всегда те или иные разновидности ревизионизма" /3, с.24/.

Мелкобуржуазная идеология и ее ревизионистские проявления во многом объясняются своеобразием социального положения мелких производителей, а также отдельных групп служащих и интеллигенции, особенностями их психологии. Бывшим представителям средних слоев капиталистического общества, которые находились между буржуазией и пролетариатом, могут быть присущи "мечты" о чем-то среднем между капитализмом и социализмом, иллюзии о возможности "демократии вообще" и т.д. Они даже социалистическим идеям придают свою мелкобуржуазную окраску и значение.

Когда социализм построен и мелкая буржуазия перестала

существовать из-за относительной самостоятельности общественного сознания сохраняются остатки те идеологии и психологии. Это особенно относится к области морали.

В мелкобуржуазной морали довольно большое место занимают принципы индивидуализма и эгоизма. Они могут быть отнесены и к сфере национальных отношений. В результате своих наций или народность начинают считать "избранной", заслуживающей каких-то привилегий по сравнению с другими. Достижения своей нации, которыми, разумеется, гордится каждый ее представитель, носитель остатков мелкобуржуазного сознания использует для укрепления своего высокомерия, зазнайства и веры в свое "превосходство". Таким путем создается мелкобуржуазно-националистическое презрение к представителям других национальностей, ограничение контактов с другими народами.

Большое значение в этом имеет и то обстоятельство, что национализм долго культивировался в условиях капитализма. Национальные антипатии, укрепившиеся в сознании людей, не могут исчезнуть сразу после победы социализма. Особенно глубоко они держатся в сознании людей, у которых сохранились остатки частнособственнических взглядов — индивидуализм, эгоизм, зазнайство, зависть, ксенофобия, стигматизировано и др.

В.И. Ленин подчеркивает, что предрассудки националистического эгоизма и национальной ограниченности являются самыми глубокими из мелкобуржуазных предрассудков /5, с. 168/.

"Так как эти предрассудки могут исчезнуть лишь после уничтожения империализма и капитализма в передовых странах и после радикального изменения всей основы экономической жизни отсталых стран, то уничтожение этих предрассудков не может не быть очень медленным" /5, с. 168/.

Сохранению националистических взглядов на уровне общественного сознания могут способствовать различные социально-психологические причины, выяснение которых может помочь понять, почему остатки националистических взглядов могут сохраняться длительное время и проявляться и в условиях ин-

витого социализма.

Теоретически недостаточно подготовленные люди, в сознании которых имеются какие-то националистические предрассудки из-за незнания или непонимания, в процессе контактирования с представителями других наций могут прийти к неверному пониманию особенностей других наций. Это объясняется тем, что в социально-психологическом плане в ками создавался и существовал комплекс недоверия к представителям другой национальности. Даже в условиях исчезновения социальной базы националистических взглядов, национальные предрассудки сохраняются в виде национальных антипатий и национальной ограниченности.

Человек, которому характерны такого рода взгляды, свою нацию считает самой лучшей и полноценной, а отличительные особенности представителей других национальностей принимает за подтверждение их "неполноценности". В первую очередь это находит свое проявление в отношении к языку, привычкам, традициям, вкусу, внешнему облику и поведению людей, принадлежащих к другой нации или национальности.

Еще раз следует подчеркнуть влияние эгоизма, который в области национальных отношений превращается в национал-эгоизм. Такой национал-эгоист всегда и всюду будет пытаться в своей нации видеть только хорошее, а в других искать плохое, забывая, что в каждой нации могут быть и хорошие и плохие люди. Веря в свою непогрешимость, национал-эгоист любой случай, когда мысль или предложение, исходящее от представителя другой нации, неприемлемы ему по тем или иным причинам, не только всегда считает правым только себя, но и стремится использовать это для "подтверждения" "неполноценности" человека другой национальности. Любой его или свой успех или неудачу национал-эгоист пытается объяснить национальными моментами.

Немаловажное значение в понимании социально-психологических причин имеет специфика национальных чувств, их легкая ранимость. Так как национальная гордость очень тесно связана с гордостью личности, то каждый случай, когда э

той или иной форме задеваются национальные чувства (или создается ложное представление), может вызвать реакцию националистического характера.

Это обстоятельство всячески стремится использовать в своих интересах буржуазная пропаганда, пытаясь придумать не имевших место случаи "ущемления" национальных интересов и таким образом задеть национальные чувства. Именно легкая раннимость национальных чувств является причиной того, что национализм стал одним из главных орудий в борьбе империализма против коммунизма.

Итак, из анализа гносеологических, классовых и социально-психологических корней мелкобуржуазного национализма можно сделать вывод, что он имеет много общего с буржуазным национализмом. Отсутствует только прямая поддержка интересов буржуазии, место них в этом национализме занимают интересы мелкой буржуазии. Поэтому идеалистический мелкобуржуазный национализм, также как и буржуазный, чужд научному мировоззрению, марксистско-ленинской теории.

Буржуазные специалисты "психологической войны" пытаются использовать особенности мелкобуржуазного национализма и его родство с ревизионизмом для инфильтрации буржуазной идеологии в международном коммунистическом и рабочем движении, в социалистические страны. Национализм и ревизионизм служат своего рода "Троянскими конями". Поэтому буржуазная пропаганда в наши дни особое внимание уделяет распространению т.н. "национализма вообще".

Разумеется, это не означает, что буржуазная пропаганда или отдельные предатели в социалистических странах полностью отказались от прямой инфильтрации буржуазной идеологии, в том числе и буржуазного национализма. Как, например, свидетельствовала деятельность контрреволюционных сил в Чехословакии в 1967 и 1968 годах, то буржуазные взгляды распространялись в замаскированной форме, прикрываясь словами "свобода", "прогресс", "демократия", "права человека", "интересы нации" и др. В художественной литературе такие взгляды распространялись, используя символику, аллегории, перене-

оя действие в далекое прошлое или в область научной фантастики - чтобы понимали бы те, которые стоят на буржуазных позициях, но не было бы прямой причины возражать тем, которые защищают марксизм-ленинизм.

Однако в условиях разрядки международного напряжения и расширения международного сотрудничества специалисты буржуазной пропаганды усиленно ищут новые пути для распространения чуждой социалистическому обществу идеологии, пути, которые, будучи хотя более длинными, обеспечивали бы менее заметную перестройку сознания человека.

В этих целях аппарат буржуазной пропаганды стал главным рупором современных ревизионистов, главным распространителем их взглядов, при помощи которых идеологические диверсанты надеются посеять недоверие к марксизму-ленинизму, привести к его ревизии. От правого ревизионизма только один шаг к переходу к буржуазной идеологии. А мелкобуржуазный национализм служит стимулятором ревизионистских взглядов.

Сущность мелкобуржуазного национализма так же реакционна как буржуазного. "Национализм объективно враждебен интересам революционного движения, выражает интересы эксплуататорских классов независимо от того, что в реальной жизни носителем национализма может быть не только буржуазия, но и другие классы и социальные группы" /12, с. 123/.

Враждебность любого национализма интересам революционного движения определяется его сущностью, т.к. "национализм - противостоящая пролетарскому интернационализму психология, идеология, политика и социальная практика обособления своей социально-этнической общности, враждебного отношения к другим общностям, проявляющиеся в различных исторических разновидностях, отвечающие в конечном счете интересам эксплуататорских классов и ведущие к ослаблению трудящихся масс в борьбе со своими классовыми врагами" /13, с.86/.

Поэтому империалистическая пропаганда пытается использовать национализм для "разрыхления" системы социалистических стран и международного рабочего и коммунистического движения.

В.И. Ленин подчеркивал, что функция всякого национализма "... разделение и раздробление пролетариата под самыми благовидными и прекрасноречивыми предложениями, например, под предлогом охраны интересов "национальной культуры", "национальной автономии или независимости" и т.д. и т.п.

Сознательные рабочие все усилия прилагают, чтобы дать отпор всякому национализму, как грубому, насильственному, чернооттенному, так и самому утонченному, проповедующему равноправие наций вместе ... с раздроблением рабочего дела, рабочих организаций, рабочего движения по национальности" / 8, с. 144/.

Такой утонченный национализм или т.н. "национализм вообще" проявляется не только в идеологии, но, что особенно важно, и в области социальной психологии, где он в первую очередь связан с выработкой отрицательного отношения к представителям других национальностей.

Личное отношение человека к общественным явлениям имеет большое значение в выработке убеждений, в процессе освоения идейных ценностей. Если новая информация соответствует убеждениям человека, его отношению, то он принимает ее без глубокого анализа. Если новая информация противоречит убеждениям, отношению к явлениям жизни, то человек ее принимает только после длительного, глубокого анализа, после многократного возвращения к новым данным, а очень часто та информация, которая противоречит убеждениям отвергается совсем даже без осмысления.

Это происходит потому, что взгляды человека по разным вопросам находятся в тесной взаимосвязи - если он меняет свою позицию в одном вопросе, то вынужден полностью или частично менять взгляды и по другим вопросам или даже всю систему своих взглядов. Личное отношение человека служит как бы фильтром новой информации, способствует сохранению имеющихся взглядов, их дополнению соответствующими им идеями.

Поэтому буржуазная пропаганда в области распростра-

нения национализма на первый план выдвигает изменение отношения человека к национализму - если будет создано недоверие к другим народам, будет "открыта дверь" национализму.

Поэтому буржуазные идеологические диверсанты пытаются вызвать среди населения национальных республик беспокойство о будущем своей нации и национального языка, беспокойство за реализацию национальных интересов, пытаются выдать свои националистические цели за национальные и т.д. В своих интересах они также пытаются использовать новые проблемы отношений, возникающих в ходе дальнейшего развития социалистического общества, используют даже самые мелкие ошибки и раздувают несуществующие "проблемы", от "решения" которых якобы зависит будущее нации.

Поэтому, например, идеологи латышской буржуазной эмиграции пытаются социалистическое выдать за русское, распространяют выдумки о "советском колониализме", "угрозе руссификации", "запрещении" национальных языков, "неприемлемости" коллективизма для латышского народа. И хотя эти буржуазные идеологи скрывают свои цели и "учат", каким должен быть "хороший" социализм и "правильная" марксистская теория, хорошо видно антикоммунистическое содержание таких измышлений. Именно в этих целях они используют любые фальсификации, чтобы попытаться какие-то группы населения в социалистических странах сделать восприимчивыми к национализму.

Рука об руку с буржуазным идет мелкобуржуазный национализм, который в своих наиболее крайних правых или левых формах, какие можно было наблюдать во время контрреволюции в Чехословакии или сегодня в Китае, открыто становится антисоветским, антисоциалистическим.

Характеризуя мелкобуржуазный национализм, В.И. Ленин писал в 1920 году: "Признание интернационализма на словах и подмена его на деле, во всей пропаганде, агитации и практической работе, меланским национализмом и пацифизмом составляет самое обычное явление не только среди партий II Интернационала, но и тех, кои вышли из этого Интернационала, и

даже нередко среди тех, кои называют себя теперь коммунистическими. Борьба с этим злом, с наиболее закоренелыми мелкобуржуазными-национальными предрассудками, тем более выдвигается на первый план, чем злободневнее становится задача превращения диктатуры пролетариата из национальной (т.е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т.е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику). Мелкобуржуазный национализм объявляет интернационализмом признание равноправия наций и только, сохраняя (не говоря уже о чисто словесном характере такого признания) в прикосновенным национальный эгоизм, между тем как пролетарский интернационализм требует, во-первых, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; во-вторых, требует способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала" /5, с. 165-166/.

Освобождение трудящихся от ига буржуазии есть интернациональная проблема, которую можно решить только общими силами. "Капитал есть сила международная. Чтобы ее победить, нужен международный союз рабочих, международное братство их" / 6, с. 43/.

В основе пролетарского интернационализма постепенная интернационализация хозяйственной, политической и духовной жизни человечества. Чувства интернационализма возникают у пролетариата на основе общих условий жизни при капитализме. Основоположники марксизма-ленинизма теоретически разработали принципы пролетарского интернационализма. Пролетарский интернационализм является залогом успехов международного рабочего и коммунистического движения, содружества социалистических стран.

Националистические предрассудки никак нельзя совместить с пролетарским, социалистическим интернационализмом.

Национальное высокомерие и зазнайство, эгоистическое выпячивание своей нации, ее противопоставление другим народам, неизбежно связано с отказом от интересов рабочего класса. Мелкобуржуазный национализм в первую очередь направлен против интернационалистического содержания целей рабочего класса и его союзников.

Ревизионисты в этих вопросах идут рука об руку с мелкобуржуазным национализмом. Ревизия марксистско-ленинской теории наций и национальных отношений приводит к противопоставлению националистически понятых национальных интересов интересам рабочего класса и всех трудящихся.

Пережитки мелкобуржуазного национализма могут способствовать ревизии марксизма-ленинизма, так как они оба связаны с отходом от позиций рабочего класса.

Игнорируя классовое содержание пролетарского, социалистического интернационализма, как мелкобуржуазные, так и ревизионистские националисты интернационализм сводят только к дружбе народов. Они преувеличивают значение национально специфического, становятся на позиции национального эгоизма, ориентируются только на местные интересы, общенациональную гордость понимают только как гордость за национально своеобразное, видят и подчеркивают только значение национально специфического.

Так возникает псевдоинтернационализм, когда за интернационализм выдаются идеи дружбы народов и обмена культурными ценностями. Причем характерно, что, познавая другие народы, националистически настроенный человек видит только этнически родственные нации или те, с представителями которых нет повседневных контактов. В то же время он "не видит" представителей других наций, которые живут и работают рядом с ним.

Мелкобуржуазный национализм и ревизия марксистско-ленинской теории наций неизбежно связаны и с ревизией других основных принципов марксизма. Отказ от интересов рабочего класса, поиски социальных ценностей только в прошлом

народа, особенно в мелкой буржуазии, игнорирование опыта революционной борьбы рабочего класса, его сегодняшних достижений приводит к тому, что националист не видит классового деления общества. Это в свою очередь приводит к неспособности критически анализировать мелкобуржуазную и буржуазную идеологию, к идеализации прошлого народа, к некритической оценке культурного наследия. Вместо понятия класса националисты используют понятие народ и человечество, вместо классовой борьбы ставят борьбу народа, а активную борьбу за мир заменяют пацифизмом.

Характерно, что ревизионистский уход от позиций рабочего класса связан и с отказом от моральных принципов рабочего класса, строителя коммунизма. Классовая часть социалистической морали объявляется "устаревшей", а все внимание обращено на общечеловеческие ценности морали, которые приемлемы и для промелкобуржуазно настроенных людей.

Носителям таких взглядов особенно импонирует характерное для мелкой буржуазии трудолюбие, "мечтательность" представителей ее интеллигенции - благие намерения и критиканство пассивного постороннего наблюдателя, так как в сегодняшнем дне они видят главным образом только недостатки, а цели рабочего класса и партии принимают по столько, по сколько могут использовать результаты работы трудящихся. Поэтому их не интересует научный анализ реальных проблем, они его заменяют бесплодными мечтаниями и утопическими идеями.

Однако классовая часть не остается "не заполненной", она заполняется мелкобуржуазной идеологией. Ревизионисты, проповедуя абстрактный гуманизм, выступая против "насилия вообще", популяризируя "свободу вообще", ловко конструируют демагогическими догунгами "хорошего, гуманного социализма", в практической политике, как это видели не раз, фактически выступают против марксизма-ленинизма, против социалистического общества.

Таким образом ярко видна тесная взаимосвязь мелкобуржуазного национализма, правого и "левого" ревизионизма. Все они являются проявлением мелкобуржуазных настроений, ее шатаний и неустойчивости, что приводит к отрицанию руководящей роли рабочего класса. Вместо нее правые ревизионисты ориентируются на либеральную буржуазию или "технократию", а левые на крестьянство, интеллигенцию вообще или студенческую молодежь. Идеино-политический нейтрализм фактически превращается в довольно ясную мелкобуржуазную или буржуазную ориентацию, которая в конце концов направлена против социалистической революции и социалистического государства, хотя ревизионисты подчеркивают, что они за социализм.

Их представления о социализме имеют мелкобуржуазный характер, — они пытаются эклектически соединить отдельные марксистские положения со своими частнособственническими взглядами. Поэтому мелкобуржуазные идеологи, идеализируя мелкое производство и "частную инициативу", в своих взглядах приходят к повторению теорий буржуазных философов и социологов, а по своим политическим взглядам примыкают к либеральной буржуазии, идеологи которой считают, что буржуазный парламентаризм ликвидирует противоположность классовых интересов и основу существования классов.

Вывод, таким образом, очевиден: национализм питает ревизионизм. Переход на позиции национализма неизбежно приводит к ревизии теории классов и классовой борьбы и, следовательно, появляется база для сотрудничества с буржуазией своей нации, база отчуждения от "чужого" пролетариата другой нации.

В свою очередь, ревизионизм питает национализм, ибо переход от классовых позиций к националистическим, отказ от принципов пролетарского интернационализма ведет к отрицанию руководящей роли рабочего класса и коммунистических партий. Это характерно для всякого ревизионизма. Кое-где строительство социализма ревизионисты про-

возглашали национальной задачей и даже пытались изобрести "социалистический" национализм.

Национализм и ревизионизм единым фронтом выступают против социалистического патриотизма, являющегося по своему содержанию конкретным проявлением пролетарского интернационализма.

При социализме нет национально ограниченного патриотизма. Так, например, у советских людей Родина - Союз Советских Социалистических Республик. Любовь к своей республике, своей нации и родному краю неразрывно связана с любовью к нашему общественно-политическому и социальному строю, с готовностью отдать знания и опыт на благо всех трудящихся, защищать свободу и независимость всей Советской страны. Иногда выступления против декларативизма в теме патриотизма фактически в художественной литературе приводят почти к полному отсутствию посвященных этой тематике произведений. Тема патриотизма подменяется восхвалением своей нации и родного края.

Понятие Родины нельзя свести только к родной стране. Конечно же, родимый край дорог каждому человеку, и вполне обоснована гордость каждого члена нашего социалистического общества успехами своего края, его любовь к своей республике, нации и ее языку. Но слово Родина имеет свое классовое содержание. В него входит и власть трудового народа, завоеванная в труднейшей борьбе, и весь наш общественный и государственный строй, который ценою жизни миллионов наших отцов и старшие братья отстаивали от коричневой чумы фашизма, это и развитый социализм, построенный руками трудовых людей всех народов Советской страны.

Игнорируя классовое содержание патриотизма, мелкобуржуазный национализм и ревизионизм ведут к так называемому политическому нейтралитету, когда явления общественной жизни воспринимаются в отрыве от борьбы двух противоположных общественных систем.

Человек, ставший в позиции т.н. "общечеловеческого", "надклассового", объективистского подхода к общественным явлениям, начинает считаться с критикой и похвалами клас-

совых врагов. Надо ли напоминать давно и многократно уже подтвержденное жизнью: политический нейтрализм создает благоприятные условия для проникновения буржуазной идеологии. Это является основой для принятия интересов буржуазии за интересы нации и ведет к полному переходу в лагерь буржуазии.

И наоборот - уход от национализма, понимание соответствия интересов рабочего класса интересам всех трудящихся - значительно облегчает понимание многих теоретических вопросов, преодоление остатков буржуазных, мелкобуржуазных взглядов и ревизионистских шатаний.

Это объясняется тем, что система духовных ценностей человека принадлежит к саморазвивающимся открытым системам, которая постоянно пополняется новыми знаниями, взглядами. Если человек принимает и усваивает новую информацию, которая в чем-то отличается от имеющихся, то его система взглядов как бы выводится из равновесия, появляется несоответствие между ее элементами. Необходимо старые элементы привести в соответствии с новой информацией.

Человек, в сознании которого сохранились националистические предрассудки или внесены националистические или ревизионистские взгляды под влиянием буржуазной пропаганды, может быть подвергнут влиянию такой не научной идеологии или психологии в очень разной степени. У одного - небольшое недопонимание каких-то отдельных проблем, ошибки и честное стремление выяснить вопрос, другому - стабильная система националистически ревизионистских взглядов и сознательное стремление распространить враждебных социалистическому обществу взгляды.

Поэтому в международном рабочем движении и среди населения стран социализма необходимо как товарищеская помощь и кропотливая, терпеливая разъяснительная работа среди тех людей, которые способны преодолеть свои предрассудки и непоследовательные взгляды, так и непримиримая борьба против тех националистических и ревизионистских элемен-

тов, которые встали на путь предательства интересов трудящихся.

В борьбе против националистических и ревизионистских проявлений не может быть компромиссов. Находясь в тесной взаимосвязи, эти два уклона дополняют друг друга и являются важным оружием в руках империализма в его попытках подорвать международное коммунистическое движение и социализм изнутри.

Не случайно ныне, когда происходит активное, творческое развитие марксистско-ленинской теории и растет интерес к проблемам общественного развития, буржуазная пропаганда использует национализм и ревизионизм для нападков на социализм, для подрыва его изнутри. При этом, как уже отмечалось выше, ставка делается на людей, теоретически слабо подготовленных, политически незрелых, а, следовательно, готовых некритически воспринимать концепции буржуазного национализма, доидеологизации, конвергенции и т.п.

Сама жизнь и целенаправленная воспитательная работа партийных и общественных организаций с каждым днем уменьшает число людей, еще зараженных ядом национализма. Не блещут дела и у ревизионистов - и их ряды все более редкуют. Верность принципам социалистического интернационализма становится внутренним убеждением и моральной нормой поведения каждого советского человека. Этому особенно способствует участие вместе с представителями других наций и народностей в решении общественных проблем, реализации намеченной партией программы коммунистического строительства. Тем не менее, как отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев в докладе "Дело Ленина живет и побеждает", "... недооценка опасности буржуазной идеологии и ревизионизма недопустима. Опыт показывает, что на почве такого рода недооценки могут произрастать ядовитые семена идейных шатаний, аполитичности и беспринципности" /9, с. 25/. Это важно всегда помнить.

Литература и примечания

1. Энгельс Ф. Дженкоро Бовио 16 апреля 1872г. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд., т.33, с. 373-374.
2. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу.- Полн.собр.соч., 5 изд., т.24, с.113-150.
3. Ленин В.И. Марксизм и ревизионизм. - Полн.собр.соч., т. 17, с. 15-26.
4. Ленин В.И. Национальный вопрос в нашей программе.- Полн.собр.соч., т.7,с. 233-242.
5. Ленин В.И. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам.- Полн.собр.соч., т.41, с. 161-168.
6. Ленин В.И. Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным.- Полн.собр.соч., т. 40, с. 41-47.
7. Ленин В.И. Под чужим флагом. - Полн.собр.соч., т.26, с. 131-154.
8. Ленин В.И. Развращение рабочих утопченным национализмом.- Полн.собр.соч., т.25, с. 144-147.
9. Брежнев Л.И. Дело Ленина живет и побеждает. М., 1970, с. 25.
10. Более подробное рассмотрение этого вопроса выходит за рамки данной статьи.
11. Ганзел Л. Об идейных истоках ревизионизма и оппортунизма в Чехословакии в 1968 г.- "Философские науки", 1973, № 5, с. 106-112.
12. Акопов Г. Теоретический анализ современного национализма. - "Коммунист", 1974, № 13, с. 121-124.
13. Современное революционное движение и национализм. М., 1973, 320 с.

Содержание

1	Миронова З.Н. Критика методологических приемов буржуазной фальсификации принципа демократического централизма в партийном строительстве	3
2	Стороженко Г.А. Критика антикоммунизма и ревизионизма по вопросу о роли марксистско-ленинской партии и значении её политики в социалистическом обществе	26
3	Скудра О. Теория "критики идеологии" в работах буржуазных специалистов политического образования ФРГ	52
4	Раевская Ф.С. Критика буржуазно-националистических интерпретаций развития промышленности Латвии за годы Советской власти	72
5	Палинь Р.М. Взаимобусловленность национализма и ревизионизма	91

Ученые записки, том 223

ВОПРОСЫ КРИТИКИ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИКИ И ИДЕОЛОГИИ

Выпуск II

Редактор А. Страутинь
Технический редактор М. Войтишке
Корректор И. Кепуле

Латвийский государственный университет

Рига 1975

Подписано к печати 12.02.1975 ЯТ 15482 Зак. № 881.
Ф/8 60x84/16. Бумага №1. Физ. п. л. 7,3. Уч.-и. л. 5,5
Тираж 450 экз. Цена 35 к.

Отпечатано на ротационте. Рига 50
Латвийский государственный университет
LU bibliotēka эйденбаума, 5
м. П. Стучки

200024431

PT-75

223

Цена 35 к.